

ЦЕЙХГАУЗ

УНИФОРМА • НАГРАДЫ • ОРУЖИЕ • ЗНАМЕНА • ГЕРАЛЬДИКА

**МОСКОВСКИЕ
ВОЙСКА XVII ВЕКА
НАЕМНЫЙ КОРПУС
ДЕЛАГАРДИ. 1609**

**ФЛОТ
МОРСКИЕ ПОЛКИ.
1801-1809**

**1812 ГОД
ПОТЕРЯННЫЙ
КОРПУС**

**200 ЛЕТ МВД
БУДОЧНИКИ,
ГОРДОВЫЕ,
ПОЖАРНЫЕ**

**ИНОСТРАННЫЕ
ШЕФЫ
ЧЕРНОГОРСКИЙ
КОРОЛЬ НИКОЛА I**

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ
ОРЕНБУРГСКИХ
КАЗАКОВ**

**ВООРУЖЕННЫЕ
СИЛЫ СССР
ПОГОНЫ МАРШАЛОВ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Эполеты маршалов Советского Союза.

№ 3 / 2002

Главный редактор
Владимир Передерий

Зам. главного редактора
Алексей Степанов
Александр Кибовский
Научный редактор
Алексей Васильев
Редакторы
Александр Малое. Сергей Попов,
Кирилл Цыпленков

Редакционный совет:
А.Авербах, А.Валькович, Т.Васильева,
В.Воронов, А.Дерябин, В.Дуров,
А.Кирилин, П.Корнаков, И.Можейко,
В.Петраков, А.Пикалов, С.Плахов,
А.Полевой, А.Прошляков, Т.Чистонгова,
А.Шишкин

Макет и допечатная подготовка:
В.Передерий

E-mail: zeughaus@maif.ru

Издатель:
ООО «Издательский центр «Экспринт»
Генеральный директор: А.Егоров

Россия, Москва, 115533, а/я 25
Тел./факс: 118-28-00
[http:// www.m-hobby.df.ru](http://www.m-hobby.df.ru)
E-mail: Ex.Print@g23.relcom.ru

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77-1721 от 15.02.2000 г.)

Данное издание не может воспроизводиться полностью или частично без письменного разрешения издателей. При цитировании ссылка обязательна.

Тираж 5000 экз.
Отпечатано на Фабрике печатной рекламы, г. Москва.

«ZEUGHAUS» Magazine
Russian and Soviet militaria.
E-mail: zeughaus@mail.ru

Published by ExPrint Ltd.
Editorial office:
P.O.Box 25 Moscow 115533 Russia
Phone/fax (095)118-28-00
[http:// www.m-hobby.df.ru](http://www.m-hobby.df.ru)
E-mail: Ex.Print@g23.relcom.ru

All rights reserved. This publication may not be reproduced in part or in whole without prior written permission of the publishers

Курбатов О.
НАЕМНЫЙ КОРПУС ДЕЛАГАРДИ НА СЛУЖБЕ ЦАРЯ
ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО 4

Mercenary corps of De la Gardy in the service of Tzar Vasily Shuisky

Малов А.
«НЕВЕЛЬСКОЕ ВЗЯТИЕ». 1633
Малоизвестный эпизод Смоленской войны 8

The seizure of Nevel fortress in 1633. The little known episode of the Smolensk War

Леонов О.
МОРСКИЕ ПОЛКИ И БАТАЛЬОНЫ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I 12
Часть 1 (1801-08)

Marine infantry regiments and battalions during the reign of Alexander I. Part I (1801-08)

ВОЕННАЯ СТАРИНА. Документы, свидетельства, факты 10

Military old times. Documents, evidences, facts

Валькович А.
ПОТЕРЯННЫЙ КОРПУС. Войска князя Горчакова в 1812 году 16

The lost corps. Troops of prince Gortchakov in 1812

Попов С.
ПОД ЗНАКОМ АЛЕБАРДЫ. Об униформе городских полицейских команд в дореформенной России 22

Armed with haberdas. Uniforms of city police in Russian Empire in the 1st half of 19 cent

Йович Т., Бабац Д.
ПОСЛЕДНИЙ РОССИЙСКИЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ ЧЕРНОГОРСКИЙ
КОРОЛЬ НИКОЛА I 27

The last Russian Field-Marshal King of Montenegro Nikola I

Тинченко Я.
ПОЛКОВОЙ АЛЬБОМ КИЕВСКИХ ГУСАР 33

Rear photos of The Kiev Hussar Regiment

Ганин А.
ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА. 1918-19 38

Decorations of Orenbourg Cossacks during the Civil War

Степанов А., Цыпленков К.
ПОГОНЫ МАРШАЛОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. 1943-94 40
Shoulder boards of the Marshals of the Soviet Union. 1943-94

Кузнецов О.
НОВЫЕ ВЕДОМСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ 48n

На 1-й странице обложки:

Эполет маршала Советского Союза. Рисунок А.И.Кузнецова к проекту парадного обмундирования маршалов и генералов Красной армии, 1944 г. Публикуется впервые. (К статье «Погоны маршалов Советского Союза. 1943-1994»)

Наемный корпус Делагарди на службе царя Василия Шуйского

Олег
КУРБАТОВ

Опыт введения нидерландской военной системы в России в начале XVII века

Создание первой регулярной армии Западной Европы произошло в период борьбы Нидерландов с Испанией за свою независимость в кон. XVI — нач. XVII вв. и связано с именами таких государственных и военных деятелей, как братья Мориц и Вильгельм Людвиг Оранские и Иоганн Нассау-Зиген. Первый опыт освоения нидерландской военной системы в Русском государстве был произведен в знаменитое Смутное время — то есть, еще при жизни ее создателей. Данный вопрос уже попадал в поле зрения отечественных исследователей¹, но в целом значение событий 1609-1610 гг. для развития вооруженных сил России так и не получило должной оценки².

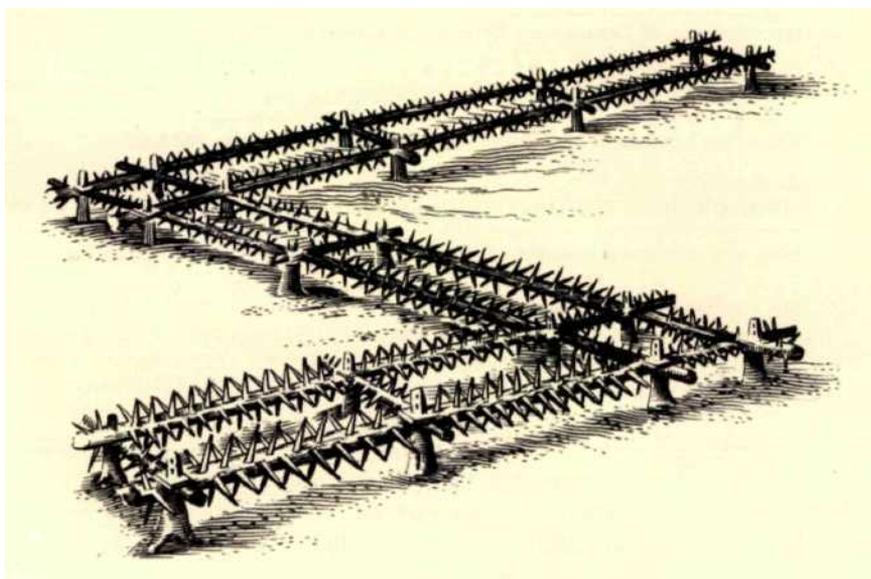
Военные реформы Морица Оранского в Нидерландах и Европе. В 1590 г., встав во главе Объединенных Провинций Нидерландов, принц Мориц Оранский возглавил их вооруженную борьбу против католической Испании. Процветающее состояние Соединенных провинций, связанное с успехами в торговле и колониальной политике, позволило им в течение десятилетий безбедно содержать постоянную армию в 40-60 000 чел., что было просто не под силу тогда государствам Германии или Восточной Европы. Долгое противостояние и высокая образованность военачальников обеих сторон превратило театр боевых действий в настоящий полигон для апробирования новой военной техники и приспособления античных военных руководств к современным условиям. Правильные лагеря, по образу и подобию римского войска, и система фортов-«блокгаузов» для блокирования крепостей, «испанские рогатки» и ручные гранаты, подзорные трубы и петарды для подрыва ворот и стен — все это, обычное для военного дела XVII в., было впервые внедрено в ходе той войны. Небольшие маневренные построения пехоты и глубоко продуманная система обучения солдат, выработанные в голландской армии, ста-

ли отличительной чертой выдающейся военной системы Нового времени, известной как Нидерландская военная школа³.

Очень скоро указанная система обучения и устройства армии стала пользоваться большим спросом среди различных земель Священной Римской империи — в преддверии нового неминуемого столкновения между немецкими протестантами и католиками. Военные знания передавались как через профессионалов, прошедших школу боевых действий под началом братьев Оранских, так и посредством военных учебников, где в систематизированном виде излагался опыт нидерландской военной школы⁴. Однако, первый практический опыт внедрения этой системы был произведен в далекой от Голландии Восточной Европе — в ходе конфликта между Швецией и Речью Посполитой 1600-1611 гг.

Шведский король Сигизмунд Ваза, воспитанный ярым католиком, после своего избрания на польский престол возглавил силы

Инженерные заграждения, применявшиеся московскими войсками при осаде Смоленска (1632-33 гг.).
Фрагмент гравюры В.Гондиуса «План осады Смоленска». Данциг. 1636 г.

контрреформации в обоих государствах и, как следствие, столкнулся с ожесточенным вооруженным сопротивлением. Сословия лютеранской Швеции отказались признавать его власть, передав власть герцогу Карлу (с 1604 г. король Карл IX), после чего развернулись боевые действия на границе государств — в Эстляндии и Ливонии.

Потерпев в первых же столкновениях страшные поражения от польских гусар, шведы с готовностью приняли услуги «волонтера» — герцога Иоганна Нассауского, кузена Морица, назначив его главнокомандующим (июль 1601 г.). Тот нашел войско в плачевном состоянии: конница не имела защитного вооружения, а пехота — по сути, плохо обученные крестьяне-рекруты — была лишена не только доспехов, но и пик, что делало ее беззащитной перед роскошно экипированной и свирепой польско-литовской конницей. Обратившись к имевшемуся арсеналу военных изобретений, Иоганн компенсировал указанный недостаток «испанскими рогатками» и повозками, оснащенными рядами из 5 пик каждая, а также стал снабжать пехоту мушкетными пиками и доспехами и срочно переучивать по нидерландскому образцу. Однако бедственный (для обеих сторон) ход войны в Лифляндии привел герцога в столь подавленное состояние, что менее чем через год он сдал командование и оставил Швецию.

Военно-политическая ситуация 1609 г. Тем временем, пожар войны вспыхнул внутри Русского государства: подданные царя Бориса Годунова изменили ему во имя «чуждом спасшегося» царевича Дмитрия. Убийство самозванца и воцарение Василия Шуйского не прекратило междоусобицу: различные «воеводы» и «родственники» «Дмитрия Ивановича», а затем и Второй Самозванец вновь и вновь объединяли вокруг себя ватаги вольных казаков, служилых людей южных окраин страны и прочих искателей наживы и стремились на штурм Престольного града Москвы. Крайне непопулярный среди своих подданных, царь Василий в этой гражданской войне был вынужден проявлять буквально чудеса предприимчивости. Умелая пропаганда против повстанцев, подкуп их вождей, щедрые награды за верность, обращение к чернокнижию и колдовству — все средства входили в арсенал бывшего боярина. В свете этого поручение, данное в разгар боевых действий (в 1606 г.) дьяку Онисиму Михайлову сыну Радишевскому о составлении сборника выписок по военному делу из иностранных трактатов, выглядит очередным прагматичным и дальновидным поступком этого государя. Из завершеного только в 1621 г. «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» явствует, что приоритетными для заимствования виделись

Сержант отряда Христиера Зомме обучает пососных ратных людей обращению с пикой по нидерландскому уставу в лагере М.В.Скопина-Шуйского под Калязиным монастырем (август 1609 г.)

художник Олег Федоров

вопросы пушкарского дела (более 500 статей из 663) и устройства обоза, а уж затем мало относящиеся к русским реалиям сведения об административном устройстве, построении войск и ведении полевого боя.

Летом 1608 г. власть царя Василия вновь оказалась под угрозой: усиленные многочисленными и хорошо вооруженными польскими «волонтерами» войска Лжедмитрия II осадили Москву, а осенью его «воровские» отряды направились во все концы страны, особенно в ее богатые области. Некоторые города сами «целовали крест» «Дмитрию», иные же вынужденно подчинялись его военной силе. Части гетмана Сапеги и полковника Лисовского осадили Троице-Сергиев монастырь, заняли большинство Замосковных городов; царю изменили многие земли Поволжья и большая часть северо-западных уездов. В Тушинском лагере образовались свои органы власти, параллельные московским.

Отряды оставшихся верными царю Василию служилых людей в Рязани, Смоленске, Нижнем и Великом Новгороде были бессильны снять осаду столицы, как и единственное

действующее вне столицы войско Ф.И.Шереметева, которое находилось слишком далеко — под Царицыном. В этих условиях Шуйский был вынужден прибегнуть к иностранной интервенции и обратиться к Швеции, король которой еще с 1604 г. безуспешно предлагал услуги своих войск для подавления Смуты — в обмен на территорию.

Для «сбора с немецкими людьми» был назначен ближний родственник царя кн. Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Несмотря на свой юный возраст — всего 22 года — он уже успел отличиться на посту воеводы Большого полка в боях со сторонниками Лжедмитрия в 1606-1608 гг. В августе 1608 г. боярин в качестве воеводы прибыл в Новгород и вступил в переговоры со шведским главнокомандующим в Лифляндии графом Й.Ф.Мансфельдом. Уже в ноябре было заключено предварительное соглашение о найме 2000 чел. конницы и 3000 пехоты. Переговоры представителей Скопина С.В.Головина и С.Васильева в Выборге завершились 28 февраля 1609 г. заключением союзного договора со Швецией. В обмен на поэтапную уступку

Сержант в качестве отличия своего ранга имеет алебарду, распространенной на рубеже XVI и XVII вв. формы, и традиционный оранжевый шелковый шарф нидерландской армии, который помимо офицеров носился рядовыми кавалеристами и зачастую пикинерами. Ввиду жаркой погоды и интенсивных строевых занятий он не надел обычные для его должностного положения горжет, кирасу и иные части пехотного доспеха, а также отвязал рукава своего «дублета», а «пососные» скинули сермяжные кафтаны и кушаки

(по мере прибытия союзного контингента) г. Корелы с уездом, а также отказ царя от претензий на Ливонию и иные спорные земли, король направлял в помощь Василию Ивановичу упомянутые 5 тысяч шведских солдат, не считая наемных людей, «сколько возможно». Хотя действия предполагалось вести против сторонников самозванца, стороны фактически становились военными союзниками в борьбе с Речью Посполитой: последняя, не прекращая войны со шведами, уже готовила интервенцию в России.

Корпус Якова Понтуса Делагарди. Первые союзные отряды пересекли русскую границу только в марте 1609 г. Но самой перспективой своего прибытия они уже более 8 месяцев оказывали влияние на ход войны. Обещание «немецкой» помощи усилило решимость к сопротивлению тушинцам у городов Русского Севера, хотя во Пскове привело к победе сторонников Дмитрия.

По сообщениям Скопина-Шуйского, «немецких людей... из Выбора, Свейския земли, и шкотских, и дацких, и фрянцовских, и аглинских, и голанских, и борабанских и иных земель» прибыло к нему 12000, затем еще 3643 конных «француз и шкотских немец», ожидали «вскоре» графа Мансфельда с 2000 чел., а также «ругодовских и колыванских немец»⁵... Первые сомнения в этих данных возникают при известии, что из прибывших только 4000 — пехота, а остальные — «конные люди» (в том числе и шотландцы)! Далее, при описании первых боев численность «немецких» отрядов в отписках Скопина-Шуйского и по шведским источникам, различается на порядок: так, согласно отпискам, с К.Чоглоковым к Твери двинулись 3600 чел. «немцев», а с Э.Горном и А.Бое к Старой Руссе — 4000; по Видекинду, ко Пскову был направлен Х.Сомме «с несколькими сотнями», а у Горна ни в одном бою не было больше 1000 солдат. Наконец, есть и прямое противоречие: отряд Горна, посланный 4 мая на разведку к Старой Руссе, насчитывал, по отписке Скопина-Шуйского, 1800 чел., а по данным Ю. Видекинда — 200 всадников и 40 мушкетеров⁶. Очевидно, что сведения боярина необходимо рассматривать в свете той пропагандистской борьбы, которую вел царь Василий на протяжении всего своего правления. Сообщая в Москву или по всем северным городам «точные» цифры о союзниках, Скопин ни слова не говорит о размерах русских отрядов своего войска — как, впрочем, и лобой его современник-воевода. Таким образом, реально силы интервентов едва ли достигали 10 тысяч человек.

Кроме шведов и финнов, значительную их часть составили иноземцы, в основном — прошедшие воинскую школу в Нидерландах. В 1607 г. военные действия там были приостановлены, а 9 апреля 1609 г. переговоры завершились заключением 12-летнего перемирия между Испанией и Соединенными провинциями⁷. Но еще раньше прагматичные буржуа приступили к сокращению армии: уже с 1607 по 1608 гг. численность голландской пехоты уменьшилась на 12 тысяч чел. И первым «покупателем» немедленно стал шведский король: от найма отдельных рот в 1606-07 гг. он перешел к целым полкам: есть известия о вербовке в 1608 г. шотландского и французского в 1000 чел. (со швейцарцами и валлонами)⁸ — однако, это только вершина айсберга.

Вел иноземные войска 25-летний Яков Понтус Делагарди — «свет Яков Лнопостович, воевода неизменная», как воспели его в одной русской песне. Он был сыном известного французского «солдата удачи», шведского полководца времен Ливонской войны. В 1601 г. Яков на 4 года попал в плен к полякам. Освободившись, он, видимо, воспользовался знакомством с герцогом Иоганном и отправился в Нидерланды, где прошел прекрасную военную школу и «оказал на деле свою доблесть князю Морицу Нассаускому».

Яков Понтус Делагарди.
(De la Gardie, 1583-1652)
Портрет работы неизв. художника.
(Замок Мальтескольм, Швеция)

В 1608 г. Делагарди отклонил личное предложение Генриха IV поступить на французскую службу и вернулся в Швецию — вместе с тысячами «сокращенных» голландцами наемников. 5 марта 1609 г. молодой честолюбивый полководец прибыл в Выборг в звании генерал-лейтенанта всех шведских войск в Финляндии и принял командование над вспомогательным войском⁹.

Начало похода на Москву. Соединение войск Скопина-Шуйского (ок. 3000 чел.) и Делагарди произошло в середине апреля под Новгородом, после чего, преодолевая распутицу, союзники двинулись по Московской дороге на Тверь. Через месяц их передовые войска отбросили «воров» от Старой Руссы и «привели ко кресту» царю Василию помещиков и посадских людей Торопца, Торжка, Ржева и ближайших уездов. Под Торжком 17 июня 1609 г. русские передового отряда впервые могли наблюдать необычный образ действий своих союзников: при приближении литовской конницы «немцы же пешие поидоша наперед, отыковаясь копьем, а инысташа позади их». Одна из рот (видимо, гусарских) «проеха сквозь» русско-шведской конницы и «потопташе» ее до самого города, но удар остальных двух пришелся на пикинеров и был отражен¹⁰.

В битве под Тверью 11 июля подобное повторилось уже при столкновении всего войска с крупными силами польско — литовской конницы (ок. 5000 чел.). Центр союзного войска, по нидерландскому обычаю, составили пехотные построения; левое, ближе к берегу Волги крыло заняла французская конница, а правое — сам Делагарди с финскими кавалеристами. Русские разместились на флангах и во второй линии. Воспользовавшись неожиданным ливнем, замочившим порох и фитили, гусарские и пятигорские хоругви «тушин-

цев» нанесли сильнейший копейный удар по этим боевым порядкам. Французы первые не выдержали натиска и бежали; русская конница тоже поддалась назад, смешав резервные наемные отряды; здесь, во время сумятицы и грабежа, союзники понесли большие потери. Зато пехота, выставив во все стороны длинные пики, осталась неподвижной и невредимой: «Из тех, кто покинул позиции, последовал за бегущими, многие были перебиты, а из тех, кто, оставшись на месте, действовал, как подобало, копьями и саблями, никто не был и ранен». Более того, Делагарди с прикрытой пикинерами финской конницей сумел контратаковать и обратить в бегство «три главных хоругви». Новый ливень и наступление вечера привели к прекращению битвы, окончившейся, таким образом, вничью. Через два дня победа все же досталась союзникам, но совершенно иным способом: внезапным нападением всего войска на беспечный польский лагерь.

Однако вскоре, ошеломленные жестокостью боев и обозленные нежеланием Скопина брать штурмом Тверь — чтобы вознаграждать себя грабежом, — солдаты Делагарди взбунтовались. Современник (Ю.Видекинд), рассуждая о причинах бунта, называет среди них наглость от постоянных успехов, недостаток от добычи, страх перед бедствиями дальнейшего похода и, наконец, «отвращение к войне из-за того, что до сих пор приходилось часто сражаться с неприятелем». Это загадочное, на первый взгляд, для воинов утверждение легко понять, если вспомнить о характере войны в Нидерландах: полевые сражения там были невероятной редкостью, а солдаты больше занимались осадными работами, маршами и контрмаршами, муштрой и только редкими стычками. Несколько серьезных битв с лихой и отчаянной восточно-европейской конницей убедили их в опасности похода в места, «откуда они не смогут воротиться, не получая при том и обещанной платы». Действительно, власти ни разу не смогли выплатить им установленное жалованье. В результате бунта большинство наемников повернуло назад и вообще покинуло пределы России: Делагарди смог остановить под Новгородом всего 2000 человек¹¹.

¹ Бибиков Г.Н. Опыт военной реформы 1609-1610 гг. // Исторические записки. Т. 19. М., 1946. С. 3-16.

² Ни А.В.Чернов (Вооруженные силы Московского государства в XV-XVII в.в. М., 1954), ни современный коллектив МО (Во имя России: Российское государство, армия и военное воспитание / Под ред. В.А.Золотарева, В.В.Марушенко, С.С.Антюшина. М., 1999) в своих обобщающих работах ни словом не упоминают о данной реформе.

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. СПб., 1997. С. 107-114.

⁴ De Gheyn J. Wapenhandelighne van roers, musquetten ende spiesen... S'Grauen Hage. 1607; Jacobi von Wallhausen I. Kriegskunst zu fuss. 1615.

⁵ Акты, собранные ... Археографической экспедицией. Т. 2. СПб., 1856. С. 219, 226.

⁶ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А.Аннинского, А.М.Александрова / Под ред. В.Л.Янина, А.Л.Хорошкевич. М., 2000. С. 59.

⁷ Пирени А. Нидерландская революция. М., 1937. С. 340-342.

⁸ Ten Raaf F.J.H. en De Bas F. Het staatscheleger 1568-1795. Deel II (1588-1609). Breda, 1918. В. 86,87,197,198,366-369.

⁹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 42,52; Русский биографический словарь. Т. [6]: Дабелов — Дядковский. СПб., 1905. С. 177-180; Herbst S. Op. cit. S. 117, 136, 143.

¹⁰ Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910. первая половина. С. 90.

¹¹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 64-74, 78, 79.

НЕВЕЛЬСКОЕ ВЗЯТИЕ 1633

Малозвестный эпизод Смоленской войны

Александр Малов

Россия, понесшая во время Смуты крупные территориальные потери, наиболее тяжелой из которых был Смоленск - форпост Москвы на Западном направлении, — не могла с ними смириться. Другой причиной конфронтации в отношениях России и Речи Посполитой являлись претензии королевича Владислава на московский престол, что для молодой русской династии Романовых было не менее значимо, чем возвращение утраченных Московским государством земель. В Москве Деулинское перемирие 1618 г. рассматривалось лишь как временная передышка. Когда же в 1632 г. умер польский король Густав III Ваза, русское правительство решило, что наступил наиболее благоприятный момент для нападения на Речь Посполитую.

Еще в июне 1632 г. Земский собор поддержал идею войны, но набег крымцев отсрочил ее начало. Лишь в августе главный воевода М.Б.Шейн со своим товарищем А.В.Измайловым выступил из Москвы к Смоленску. Однако, двигаясь неспешно, Шейн достиг Смоленска лишь в декабре 1632 г.

Начало военных действий оказалось благоприятным для русских войск: правящая элита Речи Посполитой в очередной раз оказалась не в состоянии организовать оборону восточных границ государства. На центральном (западном) направлении еще до подхода основных сил во главе с Шейным и Измайловым отряд Федора Сухотина занял Дорогобуж (18 октября), ставший в дальнейшем базой для снабжения русских войск, а стольник и воевода Б.Нагой со своим полком из Калуги захватил Кричев, Серпейск (12 октября) и Рославль. В то же время полк кн. С.М.Прозоровского занял крепость Белая (октябрь), превратив ее в базу для набегов во внутренние пределы Великого княжества Литовского. После этого кн. Прозоровский и Нагой соединились с армией М.Б.Шейна под Смоленском.

Одновременно на юго-западном направлении отряды Государевых ратных людей из Путивля и Рыльского взяли Рамонский острог и Батуриин, а из Брянска - Почеп, Стародуб и Трубчевск, воевода Баим Болтин взял Новгород-Северский. Отряды ратных людей захватили Сурож, а в набегах доходили до Чернигова и Гомеля. На северо-западном направлении посланные из Пскова сотенные головы с поместной конницей и казаками овладели Красным и Себежем.

Таким образом, за относительно короткий период с осени 1632 к весне 1633 г. практически полностью была восстановлена власть Великого Государя на землях, утраченных Россией в результате Смуты. Попытки поляков весной 1633 г. отбить Стародуб, захватить Белгород и поход Иеремии Вишневецкого на Путивль провалились. Единственным их успехом стал захват Валук.

Город Невель, существующий едва ли не с XII в., был отстроен Иваном Грозным после взятия русскими войсками в 1562 г. По Деулинскому перемирию 1618 г. город отошел к Речи Посполитой и в 1623 г. получил от Сигизмунда III Магдебургское право, а также прилагающиеся к оному печать и герб: Давид с мечом в руке, попирающий поверженного Голиафа. Описание Невельской крепости, составленное в 1632 г., производит сильное впечатление¹. Даже незначительный гарнизон вполне мог отсидеться в крепости от большого войска, не имеющего артиллерии и осадной техники.

С началом Смоленской войны царским указом от 9 августа 1632 г. воеводе Великих Лук кн. Петру Репнину было предписано вернуть утраченный в ходе Смуты Невель и уезд². Однако до осени активная война так и не началась. Лишь 27 октября 1632 г. последовал царский указ луцкому воеводе послать голову с ратными людьми под Невель для взятия города, а торопецкому воеводе стольнику Андрею Измайлову прислать голов с ратными людьми для совместных с лучанами военных операций³. Однако первыми военные действия начали сами

литовцы. 29 октября ротмистры Павловский и Яковицкий атаковали русскую заставу головы Алексея Пантелеева сына Дубровина в острожке в дер. Городенец Окольского пригубка Луцкого уезда⁴. Поначалу литовцы одержали верх и взяли в плен стрелецкого сотника Самсона Макарова. Но оправившись от первого натиска, Дубровин вывел свою заставу, состоящую из казаков и стрельцов, из острожка на вылазку и атаковал противника, которого «розогнал и за ними гоняли до рубежа», освободив сотника из плена. Вновь литовцы попытались счастье под острожком Дубровина 2 ноября, но опять неудачно. Ротмистры Грибовский и Островский потеряли в бою с русской заставой 1 знамя и 3-х казаков, захваченных в качестве языков⁵.

По вестям от языков Репнин решил атаковать Невель, не дожидаясь подхода ратных людей с Торопца. Головы Петр Максимов сын Лукомский, Семен Григорьев сын Мякиннин и Микита Иванов сын Сумороков 9 ноября повели на Невель 200 дворян и детей боярских лучан, пусторжевцев и невлян, а также 200 луцких казаков. Правда, реальное количество всадников было несколько больше за счет холопов и казачьих пахолков (всего служилый «город» выводил с собой на службу 47 боевых холопов и 2 казачьих «малых»). Все они или их большая часть должна была участвовать в Невельской акции. Вместе с конными в поход двинулся стрелецкий голова Григорий Михайлов сын Чириков с полным приказом луцких стрельцов (300 чел.)⁶. В «вожах» вели войско луцкие лазутчики стрелец Я.Бурков и казак В.Строкин⁷.

10 ноября 1632 г., в субботу, сотенные головы с дворянами, детьми боярскими и казаками подошли к Невелю. Не рассчитывая, види-

Фрагмент карты 1785 г. с изображением Невеля и Невельского озера с окрестностями. (РГАДА)

мо, на внезапность, они встали в 2 верстах от города на пустоши Коплянкине, поджидая пеших стрельцов. От всех сотен на расстояние полуверсты в сторону города была послана сводная ертаульная сотня из 40 всадников во главе с ертаульными головами дворянами пустожевцем Андреем Андреевым сыном Карауловым и лучанином Даниилом Федоровым сыном Алексеевым. Служба в ертаульной или «подъездной» («подъезжей») сотне считалась почетной - «честной». Ертаул первым встречал противника, врвался во вражеские города, ему доставалась лучшая добыча. «Честнее» ертаульной была лишь служба в выборной сотне, но у городских воевод таких сотен не было. Несмотря на большой риск (а может быть именно благодаря этому), здесь служили представители лучших родов служилого «города». Когда ертаул был сводным, как в данном случае, в него попадали лучшие бойцы. И под Невелем это полностью подтвердилось.

Разведвал расположение русских отрядов, невяня решили первыми нанести удар. Вечером того же дня они во главе с ротмистром паном Побединским (ок. 60 чел.) вышли на вылазку и в сумерках атаковали ертаул. Однако их расчет на внезапность не оправдался. Ертаул Андрея Караулова встретил польско-литовский отряд во всеоружии. Храбрые воины в темноте «с литовскими людьми учили битцы и литовских людей побили, а достальных в острог втоптали и с ними смешався, в острог ввехали»⁹. Сам Караулов в ходе этого боя взял в плен шляхтича Петра Труновича. Другой ертаульный голова Данила Алексеев убил двух литвинов. Уже знакомый нам по боям на заставе луцкий дворянин Алексей Дубровин в ночной сече зарубил двух литвинов, третьего «ссек» уже на подъемном мосту у городских ворот «и был первой человек у городских ворот»⁹. Там же на мосту у ворот срубил третьего литвина и луцкий дворянин ертаульной сотни Григорий Матвеев сын Обрютин¹⁰. Лучанин Иван Самсонов сын Пушин, убив одного литвина, «на другова приехал с саблею к городскому мосту». Но тут в сече, когда «рубился с литвином у городского моста», он сам был ранен: «у правой руки перст отсечен саблею, а у другово перста жила надсечена»¹¹. Это была, пожалуй, единственная потеря со стороны русского отряда за всю невельскую операцию.

Пока ертаул рубился с отрядом ротмистра Побединского и вгонял литву в городские ворота, сотни Петра Лукомского с товарищами и подошедшим приказом луцких стрельцов изготовились к бою. Они вовремя подоспели к городу, когда ертаул уже «ввехал» в невельские ворота, расчистив путь луцкому отряду. «А как он [ертаульный голова А.Караулов - А.М.], смешався с литовскими людьми, в острог ввехал, и в те де поры головы с сотнями к нему в острог поспешили и с ними де в остроге литовские люди конные и пешие бились, и они де литовских людей из большого острогу вбили в верхней городок и в верхнем городке литовских людей осадили, а большой острог взяли, и в дороге и в остроге литовских многих людей побили и в языцах поймали»¹². Ворвавшись в крепость на плечах бежавших всадников, луцкие сотни, обладая подавляющим численным превосходством, не оставили невяням никакого шанса. Ночной бой превратился в избивание защитников крепости. Внутри невельского острога, «как был бой, и приступали к городу», отличился сын первого сотенного головы лучанин новик Михаил Лукомский, убивший двух литвинов¹³. Однако комендант крепости «немчин» капитан Петр Муравицкий и городские власти с немногими людьми успели в ночной суматохе затвориться в верхнем городке.

Всего при взятии невельского острога нам встретились указания на 14 убитых в бою «литвинов» или «мужиков». Однако следует учесть, что если под термином «мужик» в данном случае понимается любой взрослый человек мужского пола с оружием в руках, то под словом «убил» или «ссек» следует понимать - поразил, вывел из строя. На бою ратные люди луцкого отряда взяли в плен 22 чел.: 9 шляхтичей, 13 казаков и прочих людей¹⁴. 11 ноября на Луки к воеводе с сеунчем и 20 пленными («а иных воеводы у себя оставили») был отпущен главный виновник успеха этого дня ертаульный голова Андрей Караулов. Головы же Петр Лукомский с товарищами и с ратными людьми, отпустя сеунчика, «большого острогу убавили, а сделали малой острог для изгонных людей, и, укрепяся они в острожке, учили над городом над Невелем промышлять: щиты кругом всего города поставили и учили литовских людей зговаривать и сказали им милостивое слово ...»¹⁵.

Документы о численности защитников крепости, оставшихся после ночного боя у Муравицкого, требуют уточнения. Русские головы уже после занятия Невеля писали о 300 ратных людях, которыми располагал комендант в малом городке¹⁶. Взятые в бою языки при расспросе их на Луках сообщили воеводе удивительно точные и согласные друг с другом сведения: 3 шляхтича, 30 литовских и русских казаков, 30 гайдуков, 60 посадских, 3 полугорных пищали, 3 полковых

пищали, 3 небольших бочки пороха и 20 затинных пищалей¹⁷. Однако, взятые во время ночной сечи еще на подступах к городу шляхтичи просто не могли знать, сколько людей успеет засесть с комендантом в осаду. В итоге документы не позволяют установить достоверно, какими силами располагал запершийся в цитадели комендант.

Как бы там ни было, предложив осажденным переговоры, сотенные головы дали «в заклад» знатных городских дворян Петра Петрова сына Караулова, Федора Лодыженского и Григория Обрютина. Они не теряли даром времени и «в те поры, будучи в городе, литовских и русских всяких людей перезывали на Государево имя»¹⁹. С польской стороны для переговоров Муравицкий выслал панов Бурновского и Обруцкого, а также невельского «бурмистра» Григория Семенова сына Радецкого (русское прозвище - Коваль). Осажденным была предложена почетная капитуляция: «которые похотят в Литву, и тех отпустят со всеми их животы». Протекали переговоры успешно, и в среду 14 ноября паны присягнули головам в сдаче города на следующий день, а головы «целовали крест» в соблюдении условий¹⁹.

Согласно заключенному соглашению, 15 ноября в четверг комендант сдал город и уехал в Литву «не со многими людьми, которые сами в Литву похотели»²⁰. Государевым ратным людям достались весь наряд, пушечные и хлебные запасы, а также трофеи - знамена и барабаны, которые Репнин переслал в Москву²¹. Сотенные головы Семен Мякинин и Микита Сумороков и стрелецкий Григорий Чириков вернулись на Луки с ратными людьми 19 ноября, оставив половину войска на Невеле в распоряжении Петра Лукомского²², который до назначения в Невель Государева воеводы принял его обязанности.

Бой под Невелем наглядно показывает, что представляла собой «малая» маневренная война в странах Восточной Европы в эпоху феодальных войн. Этот эпизод первой «задокументированной» войны России позволяет нам представить характер военных действий, состоящих из набегов и погонь, захватов населенных пунктов и крепостей, до появления в армиях соперничающих держав регулярного элемента, который уже в эту войну властно заявил о себе в столкновении главных армий под Смоленском.

¹ Разрядная книга 139-142 гг. // Книги разрядных, по официальным оных спискам, изданные с высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 457.

² РК 139-142 гг. Стб. 379.

³ РК 139-142 гг. Стб. 381-382.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 10-13, 325.

⁵ Впрочем, один из взятых языков Кирейко Друшляк «служил на Невле посадскую службу»: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 325-327.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 1. Уточненную численность луцких ратных людей см.: Малое А. «Конность, людность и оружие» служилого «города» перед Смоленской войной. На материале Великих Лук. // «Цейхгауз», № 18. С. 12-15. Относительно стрельцов, следует заметить, что какая-то их часть все-таки оставалась на Луках. Таким образом, в поход отправились не все 300 стрельцов, а немного меньше.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 340.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 328.

¹⁰ Там же. Л. 310-311.

¹¹ Там же. Л. 55-56.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 578.

¹⁴ Там же. Л. 14-19.

¹⁵ Там же. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 14-16.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 372.

²² Там же. Л. 33.

Михаил Лукомский служил с поместья отца и с денежного оклада в 12 руб. Всего дворянской службы с отцова поместья в 450 четвертей: «Петр Лукомской на коне в латах и в зарукавье, и в шишаке с пищалью да с саблею, да за ним человек на мерине с пищалью да с саблею с простым конем; а сын его Михайло написан на мерине на добром в пансыре да в шапке в мисюрской с пищалью да с саблею, да за ним человек на мерине с пищалью да с саблею с простым конем», — таким образом, с поместья П.Лукомского на царскую службу выезжало 4 всадника. Лукомские — измелъчавший литовский княжеский род, представители которого при въезде в Московское государство утратили титул. Лукомль, родовое гнездо князей, был уездным городом Полоцкого повета. По «Переписи войска литовского» 1528 г. семеро князей Лукомских выставляли на службу «почты» общим числом 60 конных ратников («пахоликов»). В начале XVI в. литовская метрика упоминает князя Лукомского в королевских дворян Речи Посполитой.

За невельскую службу и за двух убитых литвинов Михаил Лукомский был пожалован правами на земельное владение (поверстан поместным окладом).

Луцкий дворянин, новик Михаил Петров сын
Лукомский с боевыми холопами во взятом Невеле

Морские полки и батальоны в царствование Александра I

Олег ЛЕОНОВ

Часть 1. 1801-1809

Восшествие на престол Александра I российский флот встретил имея на Балтике 9 и на Черном море 3 флотских номерных батальона. Изменения их униформы и снаряжения традиционно следовали за общими переменами Образцову принятых для армейской полевой пехоты. Однако ряд отличий, в первую очередь цветовых* сразу позволял определять принадлежность таких частей к военно-морскому флоту. К сожалению, в униформологической литературе, начиная с фундаментального «Исторического описания одежды и вооружения Российских войск» под редакцией А.В.Висковатова, морская пехота либо оставалась без внимания, либо о ней печаталась отрывочная информация. Предлагаемый ниже материал призван частично восполнить имеющийся пробел, отдав должное вкладу морской пехоты в летопись боевых побед русского оружия в период наполеоновских войн.

Начало правления Александра I ознаменовалось радикальным изменением внешнего вида служащих армии и флота. Уже 18 мая 1801 г. в Адмиралтейскую коллегию было передано «Высочайшее повеление об изменении военно-морской формы», на основании которого вводился промежуточный вариант обмундирования. Основываясь на старом регламенте Павла I, он дополнялся некоторыми новациями в соответствии с европейской модой начала XIX в. В повелении, в частности, говорилось: «Государь император высочайше указать изволил служащим во флоте генералитету, штаб и обер-офицерам иметь мундир прежнего цвета, но застегнутый на шесть пуговиц в два ряда, со стоячим воротником, завернутыми полами, камзол и длинные штаны белые, шляпа черная с золотою петлицею и белым маленьким султаном. Генералитету и штаб-офицерам султан страусовой, а обер-офицерам простой..... Специально для морской пехоты в этом указе отмечалось, что «...батальоны флотские имеют прежний мундир с отворотами, но одинакового с прочими покроя, шляпа же, как у флотских». Таким образом, мундир оставался с красным воротником и обшлагами и с белыми отворотами фалд (подробнее о форме морской пехоты в царствование Павла I см. «Цейхгауз», № 15). Основными отличиями новой формы от прежней, «павловских времен», стали длинные штаны из белого сукна, заправлявшиеся в сапоги с короткими, до середины икры, голенищами, и высокие стоячие мундирные воротники. Кроме того, изменилась прическа солдат и офицеров: буки обрезали, а косицу укоротили до основания мундирного воротника.

Параллельно с введением промежуточных вариантов формы под пристальным контролем императора разрабатывались мундирные регламенты, основанные на совершенно новых образцах. В начале 1802 г. по уже установившейся традиции новый регламент ввели сначала в полевой армии и гвардии, а затем на флоте. Естественно, что в основе флотских мундиров лежали образцы, разработанные для полевой пехоты. Императорский указ от 26 марта 1802 г. гласил: «Всем морским батальонам носить мундиры темно-зеленые, покроем точно противу сухопутных гренадерских и мушкетерских, то есть со стоячим воротником, прорезными обшлагами, на них клапаном и обкладкой на полах и фалдах белого сукна*; панталоны белые же и сапоги короткие, как в пехотных полевых полках; а батальону от батальона различаться погонами, на обоих плечах быть должествующими». У унтер-офицеров по боковому и нижнему краям воротника и по обшлагам мундира нашивался узкий золотой галуун, а погон полагался только на правом плече. Шинели морских солдат соответствовали армейским образцам. Они шились из серого сукна с белым стоячим воротником, с двумя погонами на плечах батальонного цвета для рядовых и с одним погоном для унтер-офицеров.

В балтийских батальонах цвета погон были следующие: в 1-м - красные; во 2-м - белые; в 3-м - желтые; в 4-м - светло-малиновые; в

5-м - бирюзовые; в 6-м - розовые; в 7-м - светло-зеленые; в 8-м - серые; в 9-м - лиловые. В черноморских батальонах: в 1-м - синие; во 2-м - палевые; в 3-м - оранжевые. Морские батальоны сохраняли прежнее гренадерское устройство согласно штату от 1 января 1798 г.: каждый батальон включал 5 фузелерных и 1 гренадерскую роты, причем гренадерская рота продолжала называться на старый манер флигель-ротой. В соответствии с этим морским солдатам полагались гренадерские и фузелерные шапки. Они по форме походили на прежние образцы (причем фузелерные шапки, вероятно, вообще сохранялись прежней «павловской» конструкции), но с новым рисунком на латунных налобниках: двуглавый орел с Георгием Победоносцем на груди и ленточкой над головой орла с надписью «С нами Бог». На шапках предписывалось «верхушкам быть во всех батальонах из белого сукна, и задникам по цвету погон». На околыше шапки крепились три одно-огневые гренады: одна по центру на затылке и по одной с левой и с правой стороны.

Но вероятнее всего мундиры, шинели и шапки образца 1802 г. солдаты флотских батальонов так и не получили. В императорском указе строго отмечалось: «...повелеваем начать ныне по-новому обмундирование в тех батальонах, в коих сроки кончились, прочим же донашивать старые до окончания оных». Практически во всех морских батальонах срок старых мундиров к этому времени еще не вышел. Не удивительно, что ношение прежних мундирных и амуничных вещей, еще «павловской» эпохи, подтверждается батальонными отчетами даже за 1-ю половину 1803 г.(1)

Еще одной отличительной особенностью униформы морских солдат было наличие второго комплекта обмундирования для плавания на кораблях. Комплект состоял из «гендрика» (однобортной куртки из толстого грубого полотна на холстинном подбое) и «равендучных» брюк, носимых навывпуск поверх смазных сапог. При такой форме одежды на голову надевалась фуражная шапка - колпак из темно-зеленого сукна с суконным же околышем по цвету погон мундира.

Вооружение оставалось прежних образцов: ружья английского производства с кремневыми ударными замками (достались балтийским батальонам после экспедиции 1799 г. в Голландию); винтовальные унтер-офицерские ружья образца 1798 г. (по 4 на гренадерскую роту в батальоне); шпаги с тесачным клинком в кожаных ножнах с латунным наконечником. Фельдфебели всех рот, а также унтер-офицеры фузелерных рот продолжали носить алебарды. Все унтер-офицеры носили трости, крепившиеся под левой рукой с помощью петель, надевавшихся на вторую верхнюю пуговицу левого борта и левую пуговицу на лифе.

Цвет и покрой мундира штаб- и обер-офицеров был сходен с образцами нижних чинов, но с некоторыми отличительными особенностями, в соответствие «с напечатанным о том описанием по пехоте». В частности, цветные погоны на мундире обшивались узким золотым галууном. Строевым головным убором была двугольная шляпа нового образца с перьевым султаном, но не черным, как в полевой пехоте, а белым. Офицерские чины различались по серебряным знакам, носившимся на шее поверх мундира на шелковой ленте. По немного завышенной талии мундира офицеры завязывали шарф, который вместе с шейным знаком являлся офицерским отличием. Шарфы сохранялись прежнего «павловского» образца и плелись из серебряных нитей с добавлением шелка черного и оранжевого цветов.

* Из этой фразы можно вроде бы заключить, что клапаны на обшлагах делались из белого сукна. Однако, поскольку форма морских полков строилась по образцу армейской пехоты, клапаны, скорее всего, соответствовали общей системе и были темно-зеленые. Это тем более вероятно, что именно такая система была принята и в остальном флоте.

Морские полки, 1803-1807 гг. (слева направо):
— Барабанщик гренадерского батальона 4-го морского полка (Черноморский флот).
— Обер-офицер 1-го морского полка (Балтийский флот).
— Мушкетер 2-й роты 2-го мушкетерского батальона 3-го Морского полка (Балтийский флот)

художник Александр Аверьянов

1802-1803:

1. Гренадер 7-го Балтийского флотского батальона.
2. Унтер-офицер фузилёрной роты 3-го Черноморского флотского батальона.
3. Ober-офицер 4-го Балтийского флотского батальона.

ка, с черным кожаным лакированным козырьком, пристегнутым к шапке крючками, внутри оной суконная лопасть для зимы, бант черный кругом, с петлицей из черной же тесьмы на перед, сверху его шерстяные шишка и султан». Шишки и султаны делались из шерстяной нити и отличались цветами по полкам и по батальонам. У унтер-офицеров верх шапки обшивался по кругу узким галуном, а шишка и султан делались из шерсти трех цветов: белого, черного и оранжевого. В гренадерских батальонах наверху конических шапок крепился только султан батальонного цвета у рядовых или трехцветный у унтер-офицеров.

Расцветки темляков в морских полках отличались «по-ротному», а деревянные темляки «по-батальонно». На примере морских полков полностью подтвердилось предположение, высказанное в статье С.А.Попова (см. «Цейхгауз», № 7) о том, что шейки (деревяшки) темляков были батальонного цвета, а не цвета мундирного воротника, как утверждается в труде А.В.Висковатова, а вслед за ним и другими авторами. В описании мундиров морских полков оговорено, что «темляки всем четырем полкам одинокие, из шерстяной белой тесьмы», а деревянные в гренадерских батальонах - белые, во 1-х мушкетерских - желтые, во 2-х - красные. Гайки темляков: в 1-й роте - белые, во 2-й - голубые, в 3-й - желтые и в 4-й - красные. У унтер-офицеров темляки отличались «одной нижней гайкой» из трех цветов: белого, черного и оранжевого.

Унтер-офицерам гренадерских батальонов, вооруженным винтовальными ружьями (всего 16 человек), вместо патронной сумы через плечо полагался небольшой подсумок на поясном ремне. На крышке подсумка крепился круглый шиток с двуглавым орлом. Унтер-офицерам, вооруженным алебардами, ни подсумок, ни патронная сума не полагались. У рядовых в гренадерском батальоне по центру крышки патронной сумы крепилась круглая бляха с двуглавым орлом, а по углам одногневные гранаты (всего 4 штуки). У мушкетеров на сумках крепился только круглая бляха с двуглавым орлом. При реформировании батальонов в полки английские ружья были заменены на новые фузеи отечественного производства. Алебарды сохранили для фельдфебелей и унтер-офицеров только для службы на берегу. На кораблях же они вооружались старыми английскими ружьями для удобства несения службы в условиях ограниченного пространства палубы. 16 унтер-офицеров в каждом гренадерском батальоне полков сохранили винтовые ружья образца 1798 г.

Высочайшим указом от 31 июля 1803 г. в морских полках предписывалось: «*Всем штаб- и обер-офицерам иметь серые панталоны [имеются ввиду суконные рейтузы, заменявшие в походе парадные панталоны - О.Л.]. Штаб-офицерам и адъютантам иметь панталоны по примеру армейских офицеров лосиные, а суконные зеленые употреблять на специальные смотры*». Все обер-офицеры вооружались шпагами и эспантонами - древковым оружием с широким лезвием и поперечным стальным стержнем под ним. Шеф полка, батальонные командиры, майоры и адъютанты вооружались только шпагами. Белые султаны на шляпах поменяли на черные, как у офицеров полевых войск.

Реально новое обмундирование морские полки получили лишь в январе 1804 г. Общий срок суконных вещей определялся в два года. В таком виде полки встретили начало войны 1805 г. против Наполеона. Сформированный в июле того же года Каспийский батальон получил форму «по Высочайше опробованным образцам, после утвержденного штата морского полка», т.е. полностью сходную с мундирным регламентом морских полков 1803 г. Погоны в Каспийском батальоне «на шинелях, мундирах и сюртуках положены розовые».

Несмотря на жестокое поражение в кампании 1805 г., французская мода все активнее проникала в русскую армию. В начале 1807 г. издается императорский указ о замене у штаб- и обер-офицеров полевой армии и гвардии прежних суконных погон на новые, схожие с французскими эполетами. 12 марта этот указ продублировали для офицеров морских полков. Но задержка с доставкой образцов породила необычайную пестроту в офицерских эполетах. Это послужило причиной возникновения нового указа, устранявшего многообразие. 2 ноября 1807 г. специально для морских полков был издан запретительный указ государя, в котором говорилось: «...служащим в сих полках генералам, штаб и обер-офицерам носить эполеты и контрэполеты по цветам погон и подобные носимым в армейских полках... при получении которых в полки разослать, а до того не носить».

Униформа образца 1802 г. просуществовала, да и то в основном на бумаге, очень недолго. Уже 29 апреля 1803 г. флотские батальоны по высочайшему указу были переформированы в четыре номерных морских полка (1-3-й на Балтике и 4-й на Черном море). Их полковая организация соответствовала штатам армейских мушкетерских полков. Полк делился на 1 гренадерский и 2 мушкетерских батальона, каждый из которых включал 4 роты. Несмотря на мушкетерскую организацию, морская пехота сохранила привилегии отборной гренадерской пехоты, как то: барабанный сигнал «гренадерский поход» и возможность комплектования не рекрутами, а старослужащими из армейских пехотных полков.

В сентябре месяце в полки были разосланы образцы новой униформы и амуниции для офицеров и нижних чинов. Все образцы соответствовали регламенту 1802 г., но имели отличия уже не по батальонам, а по полкам. Цвет суконных погон был: в 1-м полку - красный; во 2-м - белый; в 3-м - желтый; в 4-м - голубой. Воротники, обшлага, их клапаны, отвороты фалд на мундирах полагались темно-зеленые с белой выпушкой. С этого времени белая выпушка на темно-зеленом фоне стала «визитной карточкой» морских пехотинцев. Зимние панталоны из темно-зеленого сукна тоже имели белую выпушку по боковому шву. Летние панталоны из белого фламского полотна, так же как и зимние, заправлялись в короткие (до середины икры) сапоги по образцу полевой пехоты. При нахождении на кораблях летние панталоны выпускались поверх сапог.

Обмундирование и снаряжение по-прежнему практически ничем не отличалось от общармейских образцов. Ранец цилиндрической формы шился из яловичной кожи и с внутренней стороны прокладывался холстом. Крышка ранца застегивалась на три железные пряжки; двумя такими же пряжками ранец крепился к белому плечевому ремню. Поверх ранца белыми ремнями крепилась скатанная в трубку шинель. Но на походе шинели часто сворачивали кольцом и надевали через плечо, под ранец или поверх него. Такой вариант ношения шинелей практиковали, в частности, во время похода русского десантного корпуса в Померании в октябре 1805 г. В приказе командира 3-го морского полка говорилось: «*Нижним чинам во время пути шинели кранцам не пристегивать, а свертывать оные через плечо для облегчения*».

Для солдат гренадерского батальона сохранили шапку образца 1802 г., но уже с цветовыми отличиями по полкам на заднике и околыше. Суконный верх задника шапки во всех полках был темно-зеленый, а околыш по цвету погон: в 1-м полку - красный; во 2-м - белый; в 3-м - желтый и в 4-м - голубой. Мушкетерам выдали головные уборы совершенно нового фасона - суконные цилиндрические шапки с козырьком по образцу полевой пехоты. Вариант такой шапки, отправленный в морские полки в сентябре 1803 г., описывался следующим образом: «*Шапка из черного сукна на простеганной соломе вышиною в 4 1/2, верш-*

Еще во время кампании 1805 г. офицерам было разрешено снять неудобные на походе шляпы и заменить их суконными цилиндрами с пристежными козырьками, на манер мушкетерских шапок. Новый головной убор не регламентировался, и поэтому офицеры в украшательствах воплощали свои фантазии, нередко переходившие грани дозволенного. Так в приказе 16 января 1807 г. шеф 3-го морского полка генерал-майор Д.П.Неверовский отмечал: «Хотя от попку и позволено было господам офицерам носить шапки и ходить в оных на ученье, но без всякой прикраски; а как его превосходительством шефом полка замечено, что многие господа офицеры носят таковые шапки, обложенные позументом и меховою опушкою...», то в дальнейшем офицерам разрешалось носить шапки без декоративных украшений и только при нахождении «в фурашате». В городе же ношение такого головного убора запрещалось под угрозой ареста. Однако, несмотря на применяемые строгие меры, офицеры продолжали заниматься украшательством своих головных уборов. В ход пошли даже шляпные султаны, которые ухитрялись делать отличными от установленных образцов. На это шеф 3-го полка указывал: «...господам офицерам, имеющим султаны с широкими перьями, отнюдь не носить, а носить султаны обыкновенные». Наконец в апреле 1808 г. офицерам все-таки сделали послабление и приказом шефа всех морских полков генерал-майора П.С.Ширкова разрешили ношение шапок везде, кроме города.

В марте 1807 г. в морских полках, по примеру армейской пехоты, изменили форменную прическу. Волосы у солдат стали стричь под гребенку и перестали пудрить. К 1807 г. в гренадерских батальонах морских полков конические шапки заменили суконными цилиндрами, как у мушкетера, но с широким и густым черным султаном и одноогневой латунной Гренадой над козырьком. Гренадеры, «потеряв» свои конические шапки, старались как можно быстрее получить новые гренадерские отличия. Поэтому многие солдаты из гренадерских батальонов, не дожидаясь изготовления казенных султанов, стали

плести их сами, обрезая хвосты у обозных лошадей и принося тем самым значительный убыток полковой казне, что, естественно, не осталось без внимания начальства.

В декабре 1809 г. борьба офицеров морских полков за право ношения кивера завершилась успехом. Как и во всей полевой армии, для них была установлена образцовая шапка - кивер. Ранее, 15 августа 1809 г. для офицеров морских полков сделали уточнение, «...чтобы в городе ходили в строевых шапках и шарфах, а в судах и канонирских лодках в шляпах и шарфах». Еще раньше, в июне 1809 г., офицерам морских полков разъяснили правила ношения панталон. Зеленые суконные панталоны теперь полагалось носить вне строя, а лосиные и летние белые панталоны - только в строю.

Источники и литература:

1. ЦГА ВМФ Ф. 227. Оп. 1. Д. 77, 81. Высочайшие приказы. 1803-1805 гг. По материалам [А.Е.Иоффе].
2. РГВИАФ. 2703. Оп. 4/171. Св. 15. Д. 1. Ч. 2; Св. 8. Д. 7; Св. 20. Д. 1; Св. 21. Д. 1. Канцелярия 3-го морского полка. 1803-1811 гг.
3. ПСЗРИ. Т. 44. Ч. 1. Книга штатов. Отд. II: Штаты по морской части. СПб., 1830.
4. Корвин-Пиотровский К.А. 89-й пехотный Беломорский полк. СПб., 1903.
5. Сытинский И.А. Очерк истории 90-го пехотного Онежского полка. СПб., 1903.
6. Юганов И.Л. История 92-го пехотного Печорского полка. СПб., 1903.

1. Гренадер 1-го Морского полка, 1803-1807.
2. Унтер-офицер 2-го мушкетерского батальона 2-го Морского полка, 1803-1805.
3. Ротный барабанщик 1-го мушкетерского батальона 3-го Морского полка, 1803-1805.
4. Обер-офицер 4-го Морского полка, 1803-1807.
5. Младший унтер-офицер гренадерского батальона 2-го Морского полка, 1807-1809.
6. Мушкетер Каспийского морского батальона, 1805-1809.

© Сергей Понд 2002

Репейки и кисти по батальонам (в гренадерских батальонах до 1807 г. — только кисти)

Плохой хороший генерал?..

«Генерал Палицын. Иван Иванович, 45 лет, командир пехотной бригады, плохой генерал. Без головы и трус, впрочем, человек видный. Состояние скромное», — доносил начальству французский резидент в Петербурге накануне войны 1812 года (Родина. 1992. № 6-7. С. 30).

Подобную категоричность опровергают послужные документы русского военачальника (1763-1814) — участника штурма Измаила (золотой офицерский крест), отличившегося в 1807 г. при Браилове (золотая шпага «За храбрость»); в 1810 г. при Базарджике (орден Св. Владимира 3-й степени) и Батине (орден Св. Анны 2-й степени с алмазами). В 1812 г. — генерал-майор, командир 3-й бригады 12-й пехотной дивизии 7-го корпуса 2-й Западной армии, шеф 41-го егерского полка, сражался при Салтановке, Красном, Смоленске, Бородине, где получил тяжелую контузию...

Письмо генерал-майора И.И.Палицына начальнику штаба русско-прусских армий генерал-лейтенанту И.В.Сабаневу

25 сентября 1813 года

Вильно

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь Иван Васильевич!

Покровительство, величайшее сострадание Вашего Превосходительства над страждущими простирается везде, а потому и я приемлю смелость утруждать мою нижайшую просьбою.

Находясь в службе Его Императорского Величества с 1778 был во многих сражениях; а потому прошедшего 1812 года июля 11-го под селением Султановкой, августа 2-го под городом Красным и при ретире к городу Смоленску, 4-го под Смоленским, 24, 25 и 26 под Бородиным в Генеральном сражении был и того ж 26 числа тяжело ранен в ногу с повреждением руки и отпущен был Г-м генерал-фельдмаршалом князем Кутузовым Смоленским для излечения. А ныне по Высочайшему приказу мая в 16 день также уволен для излечения оных же ран, и за все те сражения и раны Монаршего награждения никакого не получил*. А по ревности и усердию моему к службе, не излечась совершенно, отправился было к полку на службу; но по приезде моем в Вильно возобновилась вновь сильная боль в ранах со открытием в большом градусе застарелой цынготной болезни, от которой лишился зубов и мало владею рукой и ногой. А потому продолжать полковую службу Его Императорского Величества вовсе уже не в состоянии. В таком случае, вручая всю участь мою Вашему Превосходительству, нижайше прошу доставить мне как старому, изувеченному и не имеющему никакого состояния, какое-либо коммандантское место за долговременную беспорочную службу и раны полной при отставке моей пенсией; за что во весь век мой имя Вашего Превосходительства буду прославлять. А счастливо для меня Вашего Превосходительства неоставления буду ожидать чрез виленской почтой в городе Смоленске**. Для лучшего ж усмотрения о моей беспорочной службе и полученных мною прежде орден при сем прилагаю мой формулярный список. Ваше Превосходительство, не оставьте ошастливить просящего Вашим предстательством и остающегося к Вам навсегда с истинным высокопочитанием и совершенною преданностию

Вашего Превосходительства,
Милостивого Государя покорнейший слуга
Иван Палицын

Помета: 2 ноября 1813.

Писано графу Аракчееву.

* На посмертном портрете Палицына, помимо указанных выше наград, изображены также формально положенные ему орден Св. Георгия 4-й степени за офицерскую выслугу лет, серебряная и бронзовая медали в память 1812 года.

** Высочайше обещанная коммандантская вакансия уже не могла облегчить участь бессемейного владельца всего 12-ти крепостных душ — 1 декабря 1814 г. он исключен из списков умершим (РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 50. Л. 127; Ф. 14414. Оп. 9/292. Св. 1. Д. 16. Л. 53-53а). Впрочем злключения И.И.Палицына и на этом не закончились: его имя, несмотря на мирную кончину, было помещено в числе генералов павших на Бородинском поле, на 11-й доске в Храме Христа Спасителя в Москве, между графом Кутайсовым и Тучковым 4-м...

РГВИА. Ф. 14414. Оп. 9/192. Св. 1. Д. 16. Л. 52-52а. Публикация А.Капитонова

Разберись тут с номерами...

Рапорт командира корпуса генерал-адъютанта барона Ф.Ф.Винценгероде главнокомандующему армиями генералу от инфантерии М.Б.Барклау де Толли

№352

14 августа 1813 года

В ВЫСОЧАЙШЕМ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА приказе от 21-го мая сего года отданном, что войска Донского генерал-майор Денисов за отличие производится в генерал-лейтенанты, но как генерал-майоров Денисовых в войске Донском два, и первый из них под № 6-м* находится на Дону наказным атаманом, а второй под № 7-м** состоит при вверенном мне корпусе, то представляя о сем Вашему Высочайшему Превосходительству, прошу разрешить меня, какой из сих генерал-майоров Денисовых произведен в генерал-лейтенанты, дабы не повстречалось уже случившейся на сей счет со мной затруднении.

Генерал-адъютант барон Винценгероде

Помета: 3 сентября 1813.

* Денисов 6-й Андриан Карпович (1763-1841) — генерал-лейтенант; войсковой атаман войска Донского (в 1805-1818 — наказной атаман).

** Денисов 7-й Василий Тимофеевич (1777-1822)-генерал-майор; в 1812-1814-командир Донского казачьего полка, бригады, отдельных соединений.

РГВИА. Ф.103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 50. Л.81. Публикация А.Капитонова

Генерал-майор
И.И.Палицын
(1763-1814).
Портрет работы
Дж.Доу.
Не позднее
1825. (ГЭ)

Вниманию читателей!

В публикации «Цена штандарту» («Цейхгауз», № 18) допущена неточность. Причиной тому послужила дата, указанная в копии документа, и сведения, содержащиеся в классическом «Историческом описании одежды и вооружении российских войск» А.В.Висковатова. Исходя из этого, воспроизведенный в журнале штандарт атрибуировали не иначе, как первый штандарт Кавалергардского полка, пожалованный ему в 1800 г. Между тем в конце XIX в. полковой историк С.А.Панчулидзе установил, что в действительности подобные штандарты получил 8 октября 1799 г. Кавалергардский корпус, а вновь сформированному Кавалергардскому полку пожаловали первые штандарты в виде хоругвей 22 июля 1800 г. (См.: Панчулидзе С.А. История Кавалергардов. 1724-1799-1899. Т. II. СПб., 1901. С 162-163, 188).

Ведущий раздела «Военная старина» А.Валькович выражает свою искреннюю признательность заинтересованному читателю Константину Игошину, обратившему внимание на эту путаницу с кавалергардскими штандартами.

Пехотный генерал. 1808-1810.
Акварель К.К.Пиратского (?). 1840-е гг.
(«Историческое описание...». Ч. XVIII. № 2363. ВИМАИВиВС)

ПОТЕРЯННЫЙ КОРПУС

Войска князя Горчакова в 1812 году

Александр ВАЛЬКОВИЧ

Обычно, когда описывают действия 2-й Западной армии князя П.И.Багратиона в Бородинском сражении, в ее составе указывают два пехотных (7-й и 8-й) и один кавалерийский (4-й) корпус. Между тем вне поля зрения историков осталось еще одно соединение, принадлежавшее к этой армии и участвовавшее в битве. Речь идет о корпусе генерал-лейтенанта князя А.И.Горчакова 2-го, сформированном во 2-й Западной армии уже после начала военных действий.

Даже если не изучать подлинные архивные документы, сведения об этом корпусе можно почерпнуть из мемуаров действующих лиц той эпохи. Например, генералы А.П.Ермолов и принц Евгений Вюртембергский в своих воспоминаниях не раз упоминали о корпусе Горчакова¹. В рассказе же принца о сражении при Бородине приведен и его состав: Сводная гренадерская дивизия графа М.С.Воронцова и 27-я пехотная дивизия Д.П.Неверовского². Известен рапорт последнего об участии вверенных ему войск в битве, где Неверовский прямо писал, что после ранения корпусного командира под его начало поступили и сводные гренадерские батальоны дивизии Воронцова, также получившего рану³.

Следует заметить, что, несмотря на вышесказанное, составители новейшей и, в целом, добросовестной работы «Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года» А.А.Васильев и А.А.Елисеев сочли корпус Горчакова сформированным накануне сражения, а его войска включили в состав 8-го корпуса⁴. Прояснить этот вопрос позволяют документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Прежде всего, это приказы по 2-й Западной армии, журналы исходящих бумаг Главного дежурства армии, дела дежурства Авангардного корпуса: приказы, входящие бумаги и журналы исходящих бумаг⁵.

23 июля 1812 г.* после соединения русских армий под Смоленском князь Багратион отдал приказ: «27-я пехотная и сводная гренадерская дивизии, Ахтырской гусарской и Киевский драгунский полки составляют Авангардный корпус под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го, к которому по сему и имеют они относится обо всем по делам службы; конным же полкам по внутренней части относится к настоящим своим корпусным командирам...»⁶. Через день объявлялось, что к Авангардному корпусу присоединяются также конная артиллерийская рота № 8 и батарея № 31⁷, а кавалерийские полки «составляют по-прежнему особый отряд под командою г. генерал-адъютанта Васильчикова»-

Генерал-лейтенант князь А.И.Горчаков 2-й.
Портрет работы В.А.Тропинина.
Конец 1810-х гг.

предназначенный для действий в авангарде армии⁸. В те дни русские войска готовились перейти в наступление. Оттого и вновь сформированный корпус, получив название Авангардного, призван был подкреплять передовые войска 2-й армии.

В состав корпуса Горчакова вошли дивизии, прежде принадлежавшие 8-му корпусу генерал-лейтенанта М.М.Бороздина 1-го — крупнейшего формирования армии Багратиона. До той поры в его рядах состояли три пехотные и одна кирасирская дивизии. Обычный же состав пехотного корпуса был две дивизии. Естественно, что при первой необходимости найти команду для прибывшего к армии заслуженного генерала, состоявшего к тому же в дружеских отношениях с главнокомандующим, «пострадал» именно корпус Бороздина.

Личность вновь назначенного корпусного командира 2-й армии князя Андрея Ивановича Горчакова заслуживает отдельного рассказа. Племяннику самого Суворова с юных лет была обеспечена блестящая карьера. При Екатерине II его в четырнадцать лет пожаловали в камер-юнкеры в чине полковника, при Павле он состоял флигель-адъютантом, затем был произведен в генерал-майоры. В двадцать лет князь с отличием участвовал в Итальянской и Швейцарской кампаниях, был ранен, а по возвращении из похода повышен в чине.

Ему не довелось сражаться при Аустерлице, не принял он участия и в боях с французами 1806-1807 гг. Вопреки утверждению дореволюционной энциклопедии о его успехах при Гейльсберге и стойкости под Фридландом⁹, Горчаков 2-й в то время находился вдали от театра военных действий. Он формировал в Калуге 18-ю пехотную дивизию и к армии присоединился лишь накануне заключения мира¹⁰. В весенней же кампании в Пруссии отличился его старший брат — князь Алексей Иванович Горчаков 1-й¹¹.

Весной 1809 г. 18-ю дивизию прочили в состав войск, предназначенных для похода в Галицию, — по условиям Тильзитского мира Россия тогда выступала в союзе с Францией против Австрии. Верно, князю Горчакову пришлось не по нраву это назначение. Для него привычнее было видеть врагом французов, нежели австрийцев. В ответ на письмо эрцгерцога Фердинанда, извещавшего об успехах австрийских армий в Италии и немецких землях, он написал: «...Желательно, чтоб наши храбрые войска действовали вместе на поле чести. Нетерпеливо ожидаю времени присоединения моего к Вашему Высочеству с войсками, коими имею честь командовать»¹².

Письмо русского генерала перехватили поляки и отправили Наполеону. Вышел скандал. Александр I повелел отдать Горчакова под суд. Судили князя в Вильне, а суд над ним возглавил тамошний военный губернатор М.И.Голенищев-Кутузов — будущий князь Смоленский и «Спаситель Отечества». Генерал оправдывался тем, что письмо его частного и составлено прежде получения официального известия о прекращении с Австрией дипломатических отношений. Хотя в суде письмо и «почтили партикулярным», но нашли, что генералу, состоящему при войсках, «ни в каком случае не дозвоительно изъявлять свое желание самому собою на присоединение к какой-либо стороне воюющих...». 29 сентября 1809 г. по приговору Генерал-Аудиториата, утвержденному императором, князь Горчаков 2-й отправлялся в отставку с запрещением впредь вступать в службу. Он также лишился права въезда в обе столицы. Более сурового наказания он избежал как по причине «не столь важного преступления», так и благодаря прежним заслугам, полученной в сражении ране и «беспорочной жизни»¹³.

Наступил 1812 год. С открытием военных действий опальный князь 1 июля был вновь принят в службу с назначением состоять по армии. Позднее он получил повеление «быть употребленным» при армии Багратиона¹⁴, где в его команду и поступил новообразованный Авангардный корпус. В то время князю шел тридцать третий год. По отзыву Ермолова, видимо, беспристрастному, Горчаков был храбр, настойчив в достижении поставленной цели, «и вид опасности его не устрашит».

* Все даты приведены по старому стилю.

хотя «не в равной степени может быть способностью распорядительная»¹⁵

Боеспособность дивизий, вверенных князю, не была одинакова. Если в сводных гренадерских батальонах графа Воронцова состояло еще немало воинов, испытанных в боях, бравших Измаил, сражавшихся при Нови, Аустерлице и Прейсиш-Эйлау, то в недавно сформированной дивизии Неверовского преобладали новобранцы-рекруты. Впрочем, по свидетельству Евгения Вюртембергского, «русский рекрут обыкновенно терпелив, очень понятлив, и легче свыкается с своею новою неизбежною участию, нежели сколько бы того можно было ожидать во всякой другой земле от поселян, отторгаемых от обычного мирного образа жизни. Через несколько времени полк становится для русского солдата новою родиною, и надобно быть самому свидетелем, чтобы судить о степени привязанности, какую полк может вдохнуть в него. При таком нравственном состоянии не покажется удивительным, если солдат хорошо дерется...»¹⁶. Последующие события подтвердили справедливость слов иноземного принца, долгое время служившего в России.

Начальствовавшие дивизиями граф Воронцов и Неверовский принадлежали к числу лучших генералов армии князя Багратиона. Среди частных командиров Авангардного корпуса было много опытных, отважных офицеров. Тот же принц Евгений, характеризую русскую армию, отмечал: «...Я гораздо более знал в ней храбрых и усердных офицеров, чем малодушных и бесполезных, а как действия войск всегда зависят от достоинств начальников, то и в кампанию 1812 года неко-

торые недостатки начальников стоили русским лишь нескольких частных неудач»¹⁷.

На рассвете 26 июля 1-я и 2-я Западные армии выступили из-под Смоленска к Рудне, чтобы атаковать неприятеля. Войскам Багратиона предшествовал авангард генерал-адъютанта И.В.Васильчикова. За ним «в вечеру в 8 часов» 25 июля двинулся корпус князя Горчакова. Однако только часть его войск совершила наступательный марш. Две бригады из дивизии Неверовского (Виленский, Симбирский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки) с батареей ротой № 31, усиленные обстрелянными полками из 7-го корпуса Н.Н.Раевского (Полтавский пехотный и 41-й егерский), составили отряд, направленный к Красному для обеспечения левого фланга и наблюдения Оршанской дороги. Первую же бригаду 27-й дивизии (Одесский и Тарнопольский полки) на время прикомандировали к корпусу Раевского. Взамен выбывшей дивизии в команду Горчакова поступил 4-й резервный кавалерийский корпус графа К.К.Сиверса¹⁸. Правда, у Сиверса после откомандирования кавалерии в авангард Васильчикова, а также Харьковских драгун в отряд Неверовского оставалось лишь три полка (Черниговский, Новороссийский драгунские и Литовский уланский)¹⁹.

Вопреки ожиданиям, армии Багратиона тогда сразиться с врагом не пришлось. После

нескольких переходов войска остановили, потом вернули назад, наконец вновь двинули вперед, пока вдруг не получили известия, что неприятель атакуют Неверовского, оставленного под Красным.

Здесь 2 августа многочисленный французский авангард вынудил семитысячный русский отряд к отступлению. С началом боя Неверовский лишился кавалерии и почти всей артиллерии. Построив пехоту в каре, он стойко отражал упорные атаки кавалерии Мюрата (до 15 тыс. клинков) на протяжении 15 верст, до наступления темноты. Король Неаполитанский неистовствовал, бросал на русских все новые полки, но так и не смог добиться успеха. Неверовский потерял семь пушек и до полутора тысяч человек, «однако же успел сохранить большую часть войск своих, среди столь великой опасности, что генерал, менее его твердый духом, не преминул бы положить ружье»²⁰.

Последующие дни, 4 и 5 августа, дивизия Неверовского уже в полном составе самоотверженно билась с врагом, защищая Смоленск. Сражались, по свидетельству участника, с редким ожесточением: «Нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови»²¹. Другая часть Авангардного корпуса — Сводная гренадерская дивизия «почти не приняла участия в делах под Смоленском», находясь в резерве²². В ночь на 5 августа полки 2-й армии, включая 27-ю дивизию, отошли от Смоленска и двинулись к Соловьеву для занятия Московской дороги. С этого времени корпус Горчакова — точнее, одна его 27-я дивизия — вместе с отрядом Васильчи-

41-й егерский полк. Слева направо: егерь, карабинер, прапорщик, унтер-офицер. 19 мая 1815 г. Рис. с натуры И.А.Клейна. (Из коллекции Энн С.К.Браун, США)

Начальник Сводной гренадерской дивизии граф М.С.Воронцов.
Неизв. художник. 1820-е гг.
(Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник)

Начальник 27-й пехотной дивизии Д.П.Неверовский.
Неизв. художник. 1810-е гг.
(Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник)

ва составляли арьергард²³. Лишь однажды — 11 августа войска Горчакова вновь следовали за авангардом Багратиона, возвращающегося из Дорогобужа на соединение с Барклаем²⁴. При дальнейшем отступлении Горчаков шел позади других корпусов своей армии, подкрепляя арьергард Сиверса. 13 августа к нему присоединилась дивизия Неверовского, и уже в первоначальном составе корпус совершал переходы до Бородина²⁵.

В то время корпус Горчакова насчитывал 11636 человек, включая нестроевых. В Сводной гренадерской дивизии с приданной артиллерией состояло 5354, а в 27-й пехотной,

также с артиллерией — 6282 чел.²⁶ Накануне в полки Неверовского поступили 2026 нижних чинов, по большей части из рекрутов, восполнивших потери, понесенные в кровопролитных боях²⁷.

По диспозиции, подписанной Кутузовым 24 августа, Горчакову вверялись войска на левом фланге соединенных армий: 7-й корпус и 27-я дивизия; дивизия же Воронцова из Авангардного корпуса была поставлена в резерве 2-й армии²⁸. Полки Неверовского зашищали в первой линии Шевардинский редут. После двух часов по полудни за обладание этим укреплением разгорелось упорное сражение. «Страшный и жестокий был огонь, — вспоминал Неверовский, — несколько раз брали у меня батарею, но я ее отбирал обратно. 6 часов продолжалось сие сражение, в виду целой армии, и ночью велено мне было оставить

батарею и присоединиться на позицию к армии». Генерал добавляет: «Я имел во фронте 6000, а вышел с тремя...»²⁹. Воронцов в тот день поддержал Неверовского четырьмя батальонами.

26 августа сводные гренадеры занимали Семеновские флеши, а 27-я дивизия находилась во второй линии. За флеши батальоны Воронцова дрались отчаянно и отражали врага почти до полного истребления дивизии. Ее начальник был ранен. Вынесли с поля и корпусного командира. Пришедшие на помощь полки Неверовского не раз ходили в штыки, и также понесли огромные потери.

Русская полевая артиллерия. 1815.
Рисунок с натуры И.А.Клейна.

(Из коллекции Энн С.К.Браун, США)

СОСТАВ АВАНГАРДНОГО КОРПУСА 24-26 августа 1812 года

Командир — генерал-лейтенант князь *А.И.Горчаков 2-й*.
Обер-квартирмейстер — поручик Свиты *Е.И.В.*
по квартирмейстерской части *барон А.Л.Гиерт*.
И.д. дежурного штаб-офицера — майор 50-го егерского полка
И.Е.Бурман.
И.д. старших адъютантов: капитан 38-го егерского полка
Л.Л.Добровольский; поручик Тарнопольского пехотного
полка *П.Г.Смолюков*.

СВОДНАЯ ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ

Начальник — генерал-майор *граф М.С.Воронцов*, шеф
Нарвского пехотного полка.
Дивизионный квартирмейстер — подпоручик Свиты *Е.И.В.*
по квартирмейстерской части *М.М.Дембинский*.
Старший адъютант — майор Владимирского пехотного полка
А.И.Дунаев 1-й.
Гевальдигер — поручик Козловского пехотного полка
Малиновский.
Дивизионный доктор — штаб-лекарь Смоленского пехотного
полка *Броун*.

1-я сводная гренадерская бригада

1-й сводный гренадерский батальон 7-й пехотной дивизии —
майор Псковского пехотного полка *А.Б.Дидрих*.
2-й сводный гренадерский батальон 7-й пехотной дивизии —
майор Московского пехотного полка *У.И.Пробст*.
1-й сводный гренадерский батальон 24-й пехотной дивизии —
майор и командир 19-го егерского полка *П.И.Пригара 2-й*.
2-й сводный гренадерский батальон 24-й пехотной дивизии —
майор 40-го егерского полка *А.И.Гебель*.

2-я сводная гренадерская бригада

1-й сводный гренадерский батальон 2-й гренадерской
дивизии — майор Астраханского гренадерского полка
И.П.Фриберг.
2-й сводный гренадерский батальон 2-й гренадерской
дивизии — майор Фанагорийского гренадерского полка
И.И.Манюкин 2-й.
1-й сводный гренадерский батальон 12-й пехотной дивизии —
майор 6-го егерского полка *Мигай 1-й*.
2-й сводный гренадерский батальон 12-й пехотной дивизии —
майор Новоингерманландского пехотного полка
С.Ф.Врангель.
2-й сводный гренадерский батальон 26-й пехотной дивизии —
майор 42-го егерского полка *И.М.Трубченинов 4-й* (при
дивизии с 26 августа; прежде состоял в конвое Главной
квартиры).
1-й сводный гренадерский батальон 27-й пехотной дивизии —
майор Одесского пехотного полка *М.И.Карпов 1-й*.
2-й сводный гренадерский батальон 27-й пехотной дивизии —
майор Виленского пехотного полка *Г.Т.Федоров 1-й*.

3-й резервной артиллерийской бригады конно-артиллерийская
рота №8 (12 орудий, 231 чел.) — подполковник
З.С.Шушерин;
Войска Донского конной артиллерии рота №1 (12 орудий, 211
чел.) — майор *П.Ф.Тацын 4-й*.

Всего в Сводной гренадерской дивизии: 11 сводных батальонов
(по 3 роты в каждом) и 24 орудия (до 26 августа состояло 10
сводных батальонов) — более 5500 чел., включая нестроевых.

27-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Начальник — генерал-майор *Д.П.Неверовский*.
Дивизионный квартирмейстер — поручик Свиты *Е.И.В.*
по квартирмейстерской части *И.А. фон Визин*.
Старший адъютант — майор 49-го егерского полка
Н.И.Петровский-Муравский.
Гевальдигер — прапорщик 49-го егерского полка *И.А.Робуш*.
Дивизионный доктор — штаб-лекарь *Соколов*.

1-я бригада

Командир — флигель-адъютант и артиллерии полковник
М.Ф.Ставицкий 2-й.
Одесский пехотный полк {1-й и 3-й батальоны) —
подполковник и командир Тарнопольского пехотного
полка *В.П.Алексеев* (ранен 24 августа);
затем — капитан *С.И.Киндяков*, бригадный адъютант.
Тарнопольский пехотный полк (1-й и 3-й батальоны) — шеф
и полковник *А.А.Титов*.

2-я бригада

Командир — полковник *А.Я.Княжнин 1-й* (ранен 24 августа);
затем — подполковник и командир Симбирского
пехотного полка *Ф.К.Рындин*.
Виленский пехотный полк (1-й и 3-й батальоны) —
шеф и полковник *А.Я.Губерти 1-й* (смертельно ранен
24 августа); затем — майор *А.С.Стремоухое*.
Симбирский пехотный полк (1-й и 3-й батальоны) — шеф
и полковник *П.С.Лошкарев* (ранен 24 августа); затем —
командир полка подполковник *Ф.К.Рындин*.

3-я бригада

Командир — флигель-адъютант и полковник Лейб-Гвардии
Преображенского полка *А.В.Воейков*.
49-й егерский полк (1-й и 3-й батальоны) — шеф и полковник
А.С.Кологривов.
50-й егерский полк (1-й и 3-й батальоны) — шеф и полковник
Н.Г.Назимов.
3-й резервной артиллерийской бригады батарея рота № 31
(5 орудий, 170 чел.) — подполковник *П.В.Апушкин*.

Всего в 27-й пехотной дивизии: 12 батальонов и 5 орудий — 6282
чел., включая нестроевых.

Итого в Авангардном корпусе: 33 батальона и 29 орудий — свы-
ше 11500 чел.

Источники: Приказы по 2-й Западной армии, Ведомость о состо-
ящих на продовольствии в корпусе генерал-лейтенанта князя Горча-
кова людях и лошадях от 23 августа 1812 года, списки отличившихся
из Сводной гренадерской и 27-й дивизий в Бородинском сражении
(РГВИА. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Св. 0. Л. 149-157, 367-369 об., 373 об.; Д. 1.
Св. 0. Л. 466-467; Оп. 3. Д. 874; Оп. 5. Д. 5. Л. 9); *Полицарнов Н.П.* Бое-
вой календарь ежедневник Отечественной войны 1812 года. 4.1. Пере-
чень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812
года // Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-
Исторического общества. Т. IV. М., 1913. С. 518-519; *Васильев А.А.,*
Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа
1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997. С. 42-45.

«Ваше Сиятельство, — рапортовал Горчаков Багратиону после битвы, — изволили быть очевидным свидетелем сражений, произошедших 24-го и 26-го числ сего августа, с какою храбростию и неутомимым рвением войски, бывшие под командою моею, отражали сильным нападением неприятеля. Я по случаю полученной тяжелой раны оставил войски и потому не могу донести Вам подробно о именах всех отличившихся в делах сих; а предписал сие исполнить господам дивизионным командирам...»³⁰. В тот же день, 27 августа, корпусной командир дал указания Неверовскому и Воронцову о представлении отличившихся непосредственно главнокомандующему³¹. Сам он вскоре уехал из армии.

Потеряв корпусного командира, сильно поредевшие войска Горчакова накануне оставления Москвы вновь поступили в 8-й пехотный корпус, где со времени Бородинского сражения состояла только 2-я грендерская дивизия³².

Так завершилась история почти забытого всеми соединения, части которого столь доблестно сражались при Красном, Смоленске и Бородине. История непродолжительная, но вполне самостоятельная...

¹ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. I. М., 1865. С. 161, 170-171, 193; Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о кампании 1812 года в России. // Военный журнал. 1848. Кн. I. С. 48, 59.

² Военный журнал. 1848. Кн. I. С. 59.

³ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 165.

⁴ Васильев А.А., Елисева А.А. Русские соединенные армии при Бородине 24-26 августа 1812 года. Состав войск и их численность. М., 1997. С. 63.

⁵ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 847, 859, 874; Оп. 5. Д. 3-7, 9.

⁶ Приказы во 2-ю Западную армию с 1 июня по 11 сентября 1812 года. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 874. Л. 44-44 об.

⁷ Впоследствии к корпусу была прикомандирована Донская конно-артиллерийская рота № 1, которая состояла при Сводной грендерской дивизии. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 874. Л. 63; Д. 859. Л. 202.

⁸ Там же. Л. 45-45 об.

⁹ См.: Военная энциклопедия. Т. VIII. СПб., 1912. С. 417. Эти недостоверные сведения, не сверив с документальными источниками, повторили и в «Словаре русских генералов...» (см.: Российский архив. Вып. VII. М., 1996. С. 368). Не избежал этой ошибки и В.М.Глинка в его очерке о Горчакове. См.: Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981. С. 98.

¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах // Полное собрание сочинения. Т. I. СПб., 1849. С. 251, 446-447; формулярный список генерала от инфантерии князя Андрея Ивановича Горчакова за 1816 год // Военная галерея 1812 года. СПб. 1912. С. 65.

¹¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ соч. Т. I. С. 416-418, 429, 432.

¹² Цит. по неопубликованной рукописи А.И. Михайловского-Данилевского «Описание войны России против Австрии в 1809 году». РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3362. Л. 97.

¹³ РГВИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 435. Л. 363-366 об.

¹⁴ Назначение князь получил уже по пути к армии, около Москвы. 17 июля Ф.В.Растопчин писал к князю А.И. Горчакову 1-му в Петербург: «Князь Андрей Иванович, отъехав к армии, остановился, встретя государя, на второй почте и испрашивал чрез меня повеление, кое воследовало лестным образом, чтобы отъехать к армии кн. Багратиона...» (1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 93). 21 июля князь Багратион объявлял в приказе, что император, «приняв в службу генерал-лейтенанта князя Горчакова 2ю, повелеть соизволил употребить его при вверенной мне армии, к которой по сему г. Горчаков уже и прибыл». РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 874. Л. 43 об.

¹⁵ Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. I. М., 1865. С. 170-171.

¹⁶ Военный журнал. 1847. Кн. IV. С. 112.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 874. Л. 46 об.-48, 18а.

¹⁹ 25 июля в корпусе Горчакова находилось в строю: пехоты — 14 штаб-офицеров, 109 обер-офицеров, 247 унтер-офицеров, 126 музыкантов и 4023 грендера, кавалерии — 6 штаб-офицеров, 84 обер-офицера, 178 унтер-

офицеров, 44 музыканта и 1821 рядовой. РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 859. Л. 149.

²⁰ Бутурлин Д.П. История нашего императора Наполеона на Россию в 1812 году. 4. I. СПб., 1823. С. 216.

²¹ Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. II. Вильно, 1903. С. 16.

²² Из воспоминаний графа Воронцова // Харкевич В.И. Указ соч. Вып. I. Вильно, 1900. С. 202

²³ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 874. Л. 64.

²⁴ Там же. Л. 69 об.-70.

²⁵ Там же. Л. 71 об., 73, 75, 76 об., 79-81 об., 83.

²⁶ Ведомость о состоящих на продовольствии в корпусе генерал-лейтенанта князя Горчакова лодах и лошадах. 23 августа 1812 года. РГВИА. Ф. 103. Оп. 5. Д. 5. Л. 9.

²⁷ Бородино... С. 32.

²⁸ Там же. С. 80-81.

²⁹ Там же. С. 379.

³⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 591. Л. 22.

³¹ Там же. Л. 11.

³² Приказа о прикомандировании Сводной грендерской и 27-й дивизий к 8-му корпусу обнаружить не удалось. Возможно, его и не было вовсе, а присоединение произошло ходом событий. Первый документ, где в составе 8-го корпуса показаны и упомянутые дивизии, датирован 29 августа: «Строевой суточный рапорт о состоянии 8-го корпуса». Согласно этому рапорту, в Сводной грендерской дивизии тогда состояло 2 штаб-офицера, 42 обер-офицера, 85 унтер-офицеров, 85 музыкантов и 1229 рядовых, «Могущих быть в строю и действии». 27-я пехотная насчитывала в то время 6 штаб-офицеров, 43 обер-офицера, 72 унтер-офицера, 98 музыкантов и 1281 рядового (РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 246. Л. 22). В начале сентября Сводная грендерская дивизия была расформирована, а ее батальоны поступили на усиление 2-й грендерской дивизии.

Сражение под Красным 2 августа 1812 г.
Худ. П.Гесс. Около 1850 г.
(Местонахождение неизвестно).

На картине показан бой 27-й пехотной дивизии с кавалерией Мюрата. В глубине русской колонны изображен генерал-майор Д.П. Неверовский

ОБ УНИФОРМЕ ПЛОХОЙ И ХОРОШЕЙ

Текущий год порадовал нас еще одним изданием журнального типа под громким названием «Армии и битвы». Собственно, в самом выходе этого альманаха нет ничего предосудительного - мы вовсе не собираемся обсуждать его содержание и оформление. Однакостораживает заявленная концепция: «Мы не будем давать материалы, посвященные каким-либо гражданским структурам, только лишь из-за того, что их сотрудники носят (или носили) униформу. Глубоко уважая труд железнодорожников, работников гражданской авиации, метрополитена, лесного хозяйства — словом, всех тех, кто носит ведомственную униформу, не будучи военным, все же считаем, что темы, касающиеся их, не следует объединять с военной историей, они слишком разные. К сожалению, в некоторых изданиях этой разницы не усматривают. Вот и выходят в свет военно-исторические журналы со статьями об униформе послов и чиновников лесного хозяйства. Вскоре, надо полагать, последуют серьезные и обстоятельные материалы о будочниках и ямщиках, у них ведь тоже была своя униформа... Мы эти темы освещать не намерены...»

Поскольку нигде, кроме «Цейхгауза», статей по ведомственному мундиру не публикуется, то, надо полагать, подразумевается именно наш журнал. Собственно, можно было бы оставить без внимания не очень вежливый выпад и лишь сожалеть, что униформологию, универсальную как всякая историческая дисциплина, вдруг поделили на правильную и дурную, «усмотрев» в ней какую-то сомнительную «разницу». Но вопрос достаточно принципиальный, и стоит уточнить ряд моментов.

Если говорить о тематике нашего издания, то «Цейхгауз» в первую очередь именно униформологический журнал, скорее «интендантского», а не «строевого» направления, хотя с удовольствием печатает качественные и оригинальные материалы других, более широких военно-исторических жанров.

Причина же того, что «некоторые издания» избегают статей о будочниках и ямщиках, кроется совсем не в ангажированной воинственности. Дело в том, что *никто* и *ничего* толком о них не знает. В результате искусственного самоограничения наши заочные «оппоненты» зачеркнули для себя интереснейший пласт информации. Но, сняв военные шоры, они, как правило, оказываются бессильны перед элементарными вопросами: как выглядел полицейский или почтальон, фонарщик или городской. А уж просьба определить, что за чиновник изображен на том или ином старинном портрете, и вовсе вызывает у исторических конквистадоров полное замешательство.

Основанный на ранее неизвестных и малодоступных источниках материал по российской униформологии всегда имеет самостоятельную научную ценность, чего нельзя сказать о многочисленных компилятивных материалах, посвященных зарубежной тематике.

Существует еще и этическая сторона вопроса. «Кровожадные» авторы, уходя и искалечив воинов на полях сражений, начисто теряют интерес к их последующей судьбе в гарнизоне, полиции, гражданских корпусах. Хотя для некоторых таких «парий» в мирной жизни шансы отличиться и погибнуть были гораздо выше, чем в регулярной армии. Примером могут служить пожарные, таможенники и др. Именно на них в большей степени, а не на армии, едва справлявшейся с внешнеполитическими задачами, держалось Российское государство, недаром прозванное революционной историографией военно-полицейским.

Впрочем, у каждого издания свои принципы и подходы. Наши воинственные коллеги идут своим путем. Мы продолжаем следовать другим...

Идя навстречу «пожеланиям читателей», мы публикуем материал, посвященный, в частности, пресловутым будочникам.

Сергей ПОПОВ

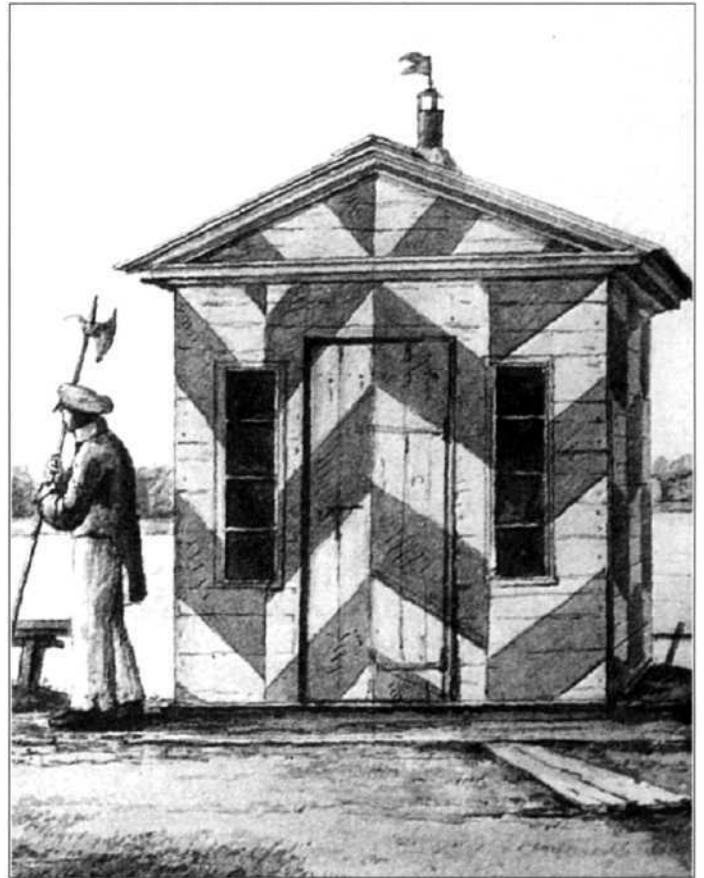
ПОД ЗНАКОМ АЛЕБАРДЫ

Об униформе городских полицейских команд в дореформенной России

К началу XIX в. общественный порядок и «благочиние» в российских городах поддерживались в основном силами штатных губернских рот и уездных команд и, отчасти, гарнизонных частей. Особые полицейские воинские команды существовали лишь в самых крупных городах: так, по штатам 1798-1799 гг. в составе Петербургской полиции, наряду с классными чинами общего штата, числилась воинская команда в составе 308 конных (драгун) и 275 пеших нижних чинов при 22 офицерах, а также 51 городской унтер-офицер; в Московской же полиции - 560 конных и 500 пеших нижних чинов, 20 офицеров и 60 городских¹. В значительной степени обязанности по охране порядка, особенно в провинции, ложились и на плечи местных жителей; так, в «Примерном штате учреждаемым по губерниям градским полициям» 1799 г.² указывалось, что «нахтвертеры (ночные стражи) наряжаются от обывательских домов».

В 1802 г. начальником петербургской полиции был назначен генерал-адъютант Е.Ф. Комаровский, который позднее вспоминал: «Из поданных мне рапортов я усмотрел, что при многих будках не было вовсе будочников; сие меня крайне удивило. Я спросил о причине... Частные пристава мне отвечали, что в будочки посылают людей обыватели из своих дворов, кого хотят, а тем из них, которые не пожелают прислать человека натурою, дозволяется внести девять рублей в месяц деньгами; что на сию сумму никакой нет возможности нанять человека, который бы согласился бесценно стоять на часах, а обили-

Изображения петербургских будочников: из журнала «Волшебный фонарь», 1817 г. (слева внизу); с литографии по рисунку А.О.Орловского, 1820-е гг. (вверху); с рисунка Н.Г.Чернецова, 1823 г. (справа)

во на морозе (тогда в будках не было печей)... Я... представил государю однажды записку о положении, в котором находилась тогда полиция, и что, кроме того, что будочников при всех будках не находится, но когда бывает пожар, то будочники ходят по улицам, вертят трещотками и сзывают с обывательских дворов людей, назначенных хозяевами для сей повинности, что весьма неудобно; сверх того, драгунская полицейская команда разделена по частям, и что у старательного только частного пристава она находится в порядке. Его величество, прочитав мою записку, удивился и изволил сказать:

«Как, здешняя полиция находится в таком положении, и мне никто о сем по сие время не говорил!»

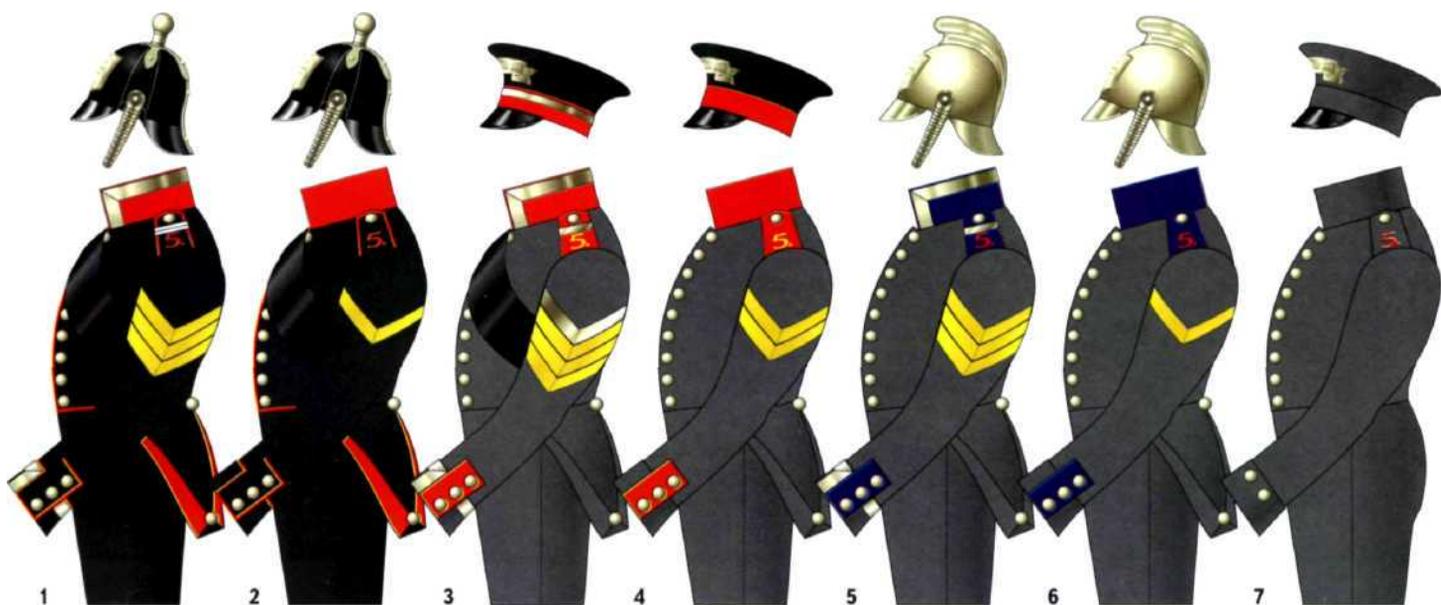
Поблагодаривши меня за мою догадку, приказать мне изволил представить мои мысли насчет улучшения полиции. Проект мой состоял в том, чтобы хозяева домов не посылали людей натурою в полицейские должности, а платили бы по 9-ти рублей в месяц за каждого, на что, по собранному мною предварительным сведениям, хозяева домов все согласны. В будочники и пожарные служители я предлагал определять из армейских полков менее способных к фронтальной службе, которые поступали тогда в гарнизонные полки, в коих не отправляли никакой службы. Присовокупив собираемую с хозяев домов сумму к положенному по штату жалованью и провианту, можно улучшить состояние каждого полицейского служителя. Драгунские полицег-Аские команды для единообразия должны соединены быть в одну команду, и следует поручить оную исправному штаб-офицеру. Государь во всех частях изволил утвердить мой проект»³.

Императорским указом от 29.XI.1802 г. при Санкт-Петербургской полиции было предписано учредить особую команду для тушения пожаров, а также и для содержания ночной стражи, «составив оную из солдат, неспособных к фронтальной службе»⁴. В команде числились 1602 чел., из них 777 будочников или, официально, градских стражей (по трое на каждую из 259 полицейских будок столицы). Из одежды стражникам и пожарным полагались куртка, кушак, картуз, шаровары и шинель темно-серого сукна с обтяжными пуговицами. Спустя полтора года такая же команда была учреждена и в Москве⁵.

С 1803 г. полицейские воинские команды стали создаваться и в других российских городах. Людей для них предписывалось «заимствовать особо для полиции» из штатных рот и команд (причем не только пеших, но и драгун), «с жалованием и содержанием в амуниции и провианте против состоящих в губернской роте из городских доходов»⁶. В казачьих областях команды составлялись из казаков. Процесс формирования полицейских команд, по-видимому, получил дополнительный стимул в 1811 г., когда штатные роты и команды были выведены из подчинения местной администрации и поступили на формирование Внутренней стражи. В 1817 г. команды полицейских драгун также были переданы во Внутреннюю стражу (на формирование жандармских дивизионов и команд), и в составе городских полиций остались лишь пешие воинские подразделения.

Нижние чины полицейской команды среднего русского города обычно подразделялись на две категории: рассыльные, или караульные, и сторожевые. Первые из них располагались при полицейской части и составляли как бы мобильный резерв полиции, выдвигая караулы к присутственным местам и другим городским объектам и высылая наряды в случае каких-либо происшествий. Вторые - градские стражи - несли постоянную службу при полицейских будках, установленных в наиболее важных (в правоохранительном отношении) местах города. На каждую будку обычно полагалось по три стражника, дежуривших посменно. Непосредственный контроль над будочниками осуществляли городские унтер-офицеры. Как рассыльные, так и будочники набирались из нижних чинов военного ведомства - «неспособных», отставных и бессрочно-отпускных.

Полицейская будка, в начале XIX в. еще вполне оправдывавшая свое название, к николаевскому царствованию превратилась уже в довольно сложное в архитектурном плане сооружение. Она стала представлять собой род одноэтажного домика с дверями и окнами, утепленного и обогреваемого печью. Стражники обычно жили в своей будке, зачастую даже с семьей. О казенном назначении здания напоминала лишь стандартная черно-белая (с оранжевыми просветами) раскраска «в елочку», да маячащая рядом фигура градского стража с характерной алебардой. Такая картинка стала своеобразной визитной карточкой каждого русского города 1830-50-х гг. Несколько «образцовых» петербургских будок однажды даже удостоились посещения императором Николаем I.

© Сергей Павлов 2002

Униформа полицейских и пожарных команд городской полиции, 1853-1855 гг. Вид некоторых элементов (напр, форма блях на фуражках, покроем обшлага) достоверно неизвестен.

NB. Нашивки на рукавах обозначают не ранг, а выслугу лет.

1. Унтер-офицер отряда рассыльных. 2. Рядовой отряда рассыльных. 3. Городовой унтер-офицер. 4. Градской страж. 5. Унтер-брандмейстер. 6. Рядовой пожарный. 7. Фонарщик.

При полицейских частях существовали также пожарные команды, наряду с собственно пожарными служителями включавшие фурулейтов (возжиков) «при пожарных орудиях», фонарщиков и трубочистов. Кроме своих прямых функций, пожарные выполняли еще и экзекуторские обязанности: по приговору начальства, а также по запискам хозяев они секли розгами прощтрафившихся простолюдинов. Пожарные посты оборудовались в виде все тех же будок. На каждую полицейскую и пожарную будку полагался комплект теплой одежды: овчинный тулуп, покрытый серым сукном, и кожаные кенги на меху (род калош, надеваемых поверх сапог), а также упоминавшаяся уже алебарда.

Всю первую половину XIX в. состав и одежда полицейских команд определялись лишь частными штатами городских полиций. Поэтому униформы нижних чинов в разных городах несколько различались между собой. Однако в целом все они «строились» по единому образцу. Мундир нижних полицейских служителей имел пехотный солдатский покроем. Как правило, он был серого цвета, реже - темно-зеленого (в Петербурге, Москве и некоторых других городах). Зимние панталоны были выпуклые (обычно под цвет мундира либо серые), а летние - из фламского полотна или равендука. Поначалу мундир был двубортный, на шесть плоских медных (иногда обтяжных) пуговиц, а с середины 1820-х гг. - однобортный, на девять пуговиц (с 1830-х гг. пуговицы стали выпуклые, с губернским гербом). Отделка мундира (воротник, обшлага, погоны, обкладки фалд) соответствовала, как правило, приборным цветам губернских дворянских мундиров. Так, в Московской пешей команде по штату 1806 г.⁷ кафтан полагался темно-зеленый, воротник, обшлага и погоны красные, а обкладки фалд и панталоны палевые. В Симбирской полиции в 1831 г. нижним чинам были положены серые мундиры с обтяжными пуговицами, со светло-зеленым воротником, погонами и обшлагами⁸. Форма пожарных служителей отличалась от полицейской тем, что вместо мундиров они носили серые куртки без фалд. Состоявшие при полиции фонарщики носили такую же форму, но полностью серую, без цветной отделки.

С начала 1830-х гг., после установления единого дворянского мундира для всех губерний, преобладающим приборным цветом полицейских команд становится красный. В пожарных же командах вводятся синие воротники, обшлага и погоны. На погонах у тех и других появляется прорезная шифровка по номеру части или поста.

Парадным головным убором являлась темно-зеленая либо серая фуражка с околышем по цвету воротника, с козырьком, подбородным ремнем и наушниками для зимы. На фуражке крепилась медная бляха с сокращенным наименованием полиции. Особой формы фу-

ражки использовались в 1830-40-е гг. в Петербургской полицейской команде: они имели высокую тулью с кожаным лакированным доном, слегка скошенным назад. Поскольку по форме они напоминали кивер, то иначе еще назывались «киверными шапками». Подобные шапки были переняты и полициями некоторых других городов, а также нижними чинами Лесной стражи.

Городовые унтер-офицеры отличались от рядовых золотым галуном на воротнике и обшлагах мундира, а также узким галуном, нашитым вокруг фуражки по околышу. Им были присвоены замшевые перчатки и тесак на черной португее с пряжкой. Пожарные унтер-офицеры, именовавшиеся обычно унтер-брандмейстерами, тесаков не имели, а галуны им часто полагались серебряные. С середины 1840-х гг. звания нижних чинов различались также и «лычками» на погонах. Поскольку полицейские команды комплектовались оставшими либо «неспособными» нижними чинами из военного ведомства, большинство из них на левом рукаве имели шевроны за выслугу лет; с 1833 г. в Петербургской, а затем и в других полициях за каждые пять лет беспорочной службы полицейские имели право добавлять очередную нашивку к прежде заслуженным.

К середине века в форме нижних чинов полиции в крупных городах наметилось следующее разделение: рассыльные стали получать темно-зеленые мундиры, а будочники - серые, те и другие с красным воротником. Для рассыльных стали вводиться остроконечные кожаные каски, как в армии, но с шаром вместо гренаты на шпиле и с губернским либо городским гербом вместо двуглавого орла. Пожарные тоже получили каски: медные, хорошо известной впоследствии формы, с небольшим гребнем и местным гербом. Пешей команде Петербургской полиции 21.VIII. 185 г. были присвоены темно-зеленые мундиры с алыми (гвардейского сукна) воротником и отворотами фалд и алыми же выпушками по борту, на погонах, обшлагах и брюках и шифровкой погон. Пуговицы, галуны и прибор на касках у них устанавливались белого металла⁹. В Московской полиции 2.IX.1853 г. была установлена такая же форма, но с желтым металлическим прибором и без кантов на брюках¹⁰.

23.VI.1853 г. были наконец утверждены общий нормальный штат для городских полицейских команд и табель их обмундирования и амуниции¹¹. В городах с населением до 2000 человек полагалось иметь команду из 5 рядовых; с населением 2-5 тыс. чел. - 1 младшего унтер-офицера и 9 рядовых; 5-10 тыс. чел. - 2 младших унтер-офицеров и 18 рядовых; 10-15 тыс. чел. - 1 старшего и 2 младших унтер-офицеров и 27 рядовых; 15-20 тыс. чел. - 2 старших и 2 младших унтер-офицеров и 36 рядовых; 20-25 тыс. чел. - 2 старших и 3 младших унтер-офицеров и 45 рядовых; 25-30 тыс. чел. - 3 старших и 5 младших унтер-офицеров и 52 рядовых. На основании этого должны были составляться штаты для каждого города, «с учетом, впрочем, и местных обстоятельств».

Отряду рассыльных полицейской команды присваивалась кожаная лакированная каска с медным прибором, городским гербом, чешуей и шаром на шпиле. Рабочая фуражка, темно-зеленая с красными околышем и выпушкой, шилась из старых мундиров. Мундир

полагался темно-зеленый, однобортный, с красным воротником и выкладками на фалдах. Погоны, обшлага и «выкладки на оных» были мундирного цвета, с красными выпушками; такая же выпушка шла и по борту. К мундиру полагались 19 медных пуговиц с городским гербом. На погонах размещалась красная просечная шифровка по номеру полицейской части. Унтер-офицерам был присвоен золотой галун на воротнике и обшлагах мундира, а также замшевые перчатки. Все рассыльные вооружались тесаком на вычерненной плечевой портупее шириной в 2,5 вершка.

В отряде сторожевых мундиры были такого же покроя, но серые, с красными воротником, погонами и выкладками на обшлагах; номер части на погонах был желтый. Парадным головным убором служила темно-зеленая фуражка с красным околышем и козырьком, с медной бляхой на тулье, на которой была выбита надпись: «*такой-то Городской Полиции*» (обычно сокращенная). Городовым унтер-офицерам, кроме галунов на мундире, полагался еще и узкий золотой галун на околыше парадной фуражки. Рабочая фуражка была серая, с красным околышем. Тесак, как и перчатки, полагались только унтер-офицерам.

В городах, где полицейская команда состояла не более чем из 15 человек, и рассыльные, и будочники носили одинаковую форму - по образцу отряда сторожевых.

Для пожарной команды устанавливались такие же мундиры, как у сторожевых, но с синими воротником, погонами и выкладками на обшлагах, и с красным номером поста на погонах. Головным убором служила медная пожарная каска с выбитым спереди городским гербом, либо серая рабочая фуражка с синим околышем. Унтер-брандмейстеры носили на мундире золотой унтер-офицерский галун, а также замшевые перчатки, но тесаков не имели. Всем пожарным полагалась серая рабочая куртка с погонами и пуговицами как на мундире и с синими петлицами (клапанами) на воротнике, и черный поясной ремень с медной пряжкой.

В обеих командах шинели были серые, с воротниками, погонами и пуговицами как на мундире; панталоны под цвет мундира (летом — белые холстинные); сапоги короткие смазные. Для холодного времени выдавались овчинные полушубки, а рядовым полагались варежки, сшитые из старой униформы. Принадлежностью каждого полицейского и пожарного поста (будки) были тулуп с покрытием из серого сукна, кенги и алебарды.

Описанная полицейская униформа сохранялась в общих чертах еще в течение десяти лет. Правда, в 1855 г. «франческие» мундиры были заменены двубортными полукафтанами с закругленным воротником. Градским стражам и городовым унтер-офицерам сначала в Петербурге, а затем, по-видимому, и в других городах, были присвоены каски, как у рассыльных¹². В 1856 г. были наконец отменены алебарды, давно ставшие анахронизмом и удивлявшие приезжих европейцев, пережив таким образом свой аналог в армии на 40 с лишним лет. Вместо них будочники стали вооружаться тесаками.

В конце 1862 года последовала общая реформа российской полиции. Исчезли градские стражи с их полосатыми будками, а слово «городовой» стало приобретать новый, иной смысл. В 1863 г. реформированная полиция получила и новую униформу.

В нашем очерке мы сознательно не касались мундиров классовых полицейских чинов и офицеров - полицмейстеров и городничих, приставов, квартальных и брандмейстеров. Это отдельная, не менее интересная и малоизученная тема. Интересная, несмотря на то, что полицейские обычно не принимали участия в войнах и битвах, а в истории играли скорее реакционную, чем прогрессивную роль. Ведь интерес униформолога не обязательно должен ограничиваться гвардейскими мундирами и униформой «элитных» войск, как считают наши друзья из других журналов. Форма почтальонов и будочников, кондукторов и лесничих также достойна изучения, хотя бы потому, что малоизучена. И тоже является частью нашей истории.

¹ ПСЗ-I. №№ 18663, 18822. В штате 1802 г. (ПСЗ-I, № 20143) нижних полицейских чинов в Москве показано уже почти вдвое меньше.

² ПСЗ-I. № 18985.

³ Комаровский Е.Ф. Записки. М., 1990. С. 78-80.

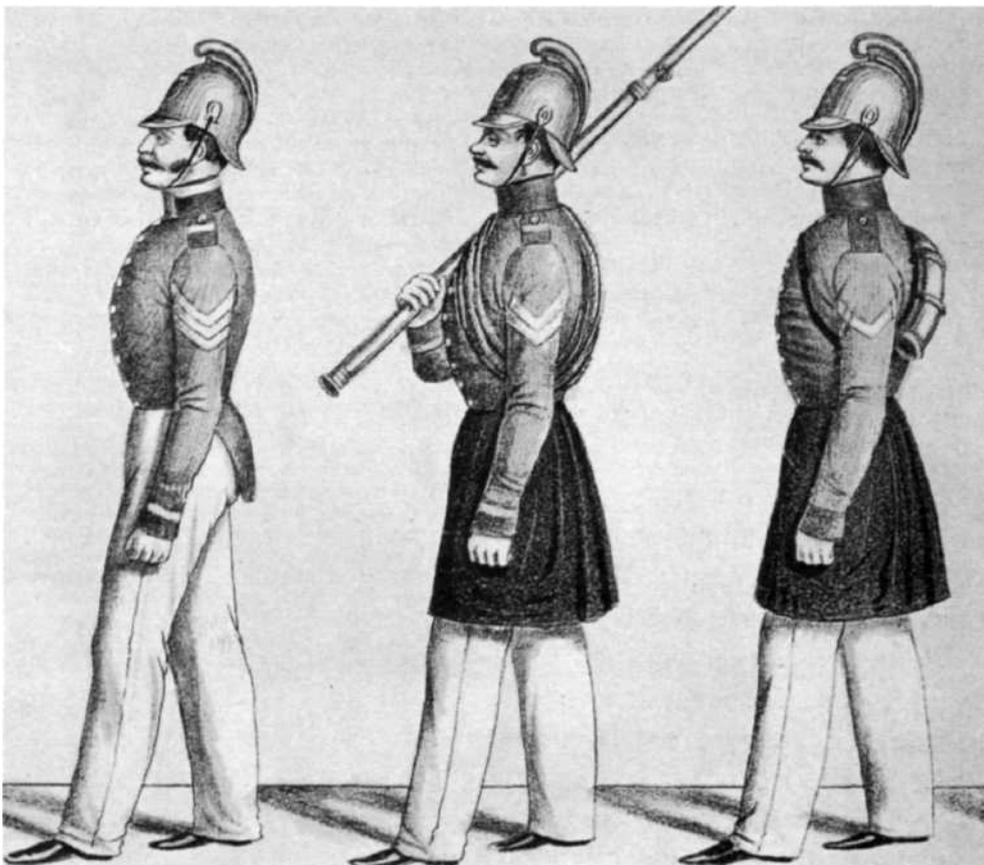
⁴ ПСЗ-I. № 20532. ⁵ ПСЗ-I. № 21322 (31.V.1804). ⁶ ПСЗ-I. № 20660. ⁷ ПСЗ-I. № 22030.

⁸ ПСЗ-II. № 4802. ⁹ ПСЗ-II. № 26539. ¹⁰ ПСЗ-II. № 27537. ¹¹ ПСЗ-II. № 27372.

¹² ПСЗ-II. № 29303.

Унтер-брандмейстер, ефрейтор и рядовой пожарной команды, 1853 г.; фонарщик. 1852 г.

(Рис. из альбома «С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк». СПб., 1903)

К началу 1860-х гг. стало очевидным, что ни внешний вид, ни моральные качества будочников не могут дольше оставаться без реформы. Вот что говорилось по этому поводу в интереснейшей секретной сводке III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии о настроениях в столице от 9.V.1858 г.: «Уже в прошедшем году, когда воровство и грабежи в Петербурге дошли до невероятной смелости и наглости, разнесся здесь слух о намерении правительства серьезно приняться за реформу городской исполнительной полиции, т.е. за совершенное уничтожение не только бесполезных, но даже во всех отношениях вредных здесь будочников и замещение их хотя бы стражею, на подобие парижской и лондонской; но предположение сие, как видно, по неизвестным причинам было доныне оставлено без исполнения; теперь же, кажется, хотят приняться за это решительными мерами, ибо для первоначального опыта уже избрана на сей предмет 3-я Адмиралтейская часть и преимущественно кварталы, заключающие в себе Гостиные Дворы и Сенную. Замечают однако же, что начало сие не обещает больших успешных результатов, ибо будочники сих кварталов, получив строгое приказание: не стоять по-прежнему как прикованные у будок, а непременно ходить и наблюдать по назначенной им дистанции, теперь буквально исполняют это приказание, и находятся в непрерывной отлучке от будок, так что этим распоряжением сделалось еще хуже прежнее, ибо прежде, худо или хорошо, но по крайней мере будочник всегда был у будки, а теперь в случае надобности спросить его о чем-нибудь, получаешь от посторонних лиц ответ: «его нет, он ходит», а о так называемых подчистках лучше и не спрашивай – тех уже решительно никогда не найдешь в будке, а если и там, то спят мертвецки пьяны! Городовым также указано ходить, а не стоять на одном месте, а для ночного времени даны им свистки, для созыва в случае надобности ходящих будочников, но как сии последние ходят в разброе, в довольно далеком друг от друга по всему кварталу расстоянии, то и полагают многие здесь, что покуда эти будочники сбежуются в одно место, ловкий мошенник успеет давным-давно скрыться от их рук! Это важное дело безопасности и общего спокойствия жителей Петербурга нововведение публикою обсуждается с различных сторон; главнейшие ее мнения, как замечено, суть следующие: чтобы ожидать от этого желаемого успеха, не следует число ходячей стражи ограничить тем малым количеством будочников, которые ныне находятся по частям города, а непременно удвоить или утроить число оных, с тем чтобы иметь дневную и ночную стражу, которая бы беспрестанно обхаживала назначенные ей улицы... При этом замечают, что для лучшего устройства сего нововведения непременно следует дать сей страже совершенно иной вид, даже и по самой наружности, и так сказать с корнем вырвать у жителей Петербурга, особливо у простого народа, память о будочниках – этой презрительной касте людей или *sette sapaille*, как называют их иностранцы. Один вид серых будочничьих кафтанов, говорят, уже волнует душу, – до такой степени они пали в общем здесь мнении чрез низости, придирки и лихоимства их, – словом, нет средства, которое бы они себе не позволили, чтобы разными притеснениями и неправдами выжать деньги, особливо от бедной, безответной черни! Публика вообще, когда в разговорах касается до будочников, отзывается об них не иначе как о мошенниках и первейших грабителях, а не как о блюстителях порядка и безопасности жителей! Известно, что они не только неоднократно были запутаны в сообщничестве с ворами, но даже обличены в убийствах, как например года три тому назад будочнику Тучкова моста убил и ограбил содержателя известного старинного немецкого трактира, в 1-й линии, Гейде. На самые же будки их, как известно, привыкли здесь смотреть не иначе как на притоны воров и пьяниц, и хранилище ограбленных на улицах вещей, или краденных в домах лакеями и кухарками, кои они продают или закладывают будочникам за бесценность или водку, всегда готовую в будках не хуже водочных лавок! Что же касается

до извожиков, то будочники первые их друзья и потворщики. Одним словом, эти будки не что иное, как убежище, где вор днем и ночью находит дружеский приют. По сей то причине, говорят, и грабят так безбоязненно, ибо не было еще примера, чтобы будочник, услышав ночью призыв на помощь, прибежал спасать кого. Он или из видов своих не двигается с места или действительно не в состоянии этого сделать, потому что будучи почти всегда пьян, преспокойно спит, прислонившись к будке или отговаривается тем, что не смеет сойти с часов, между тем как среди бела дня за полверсту бежит за возом дров, чтобы украсть полено, поднять подкову, обшарить с головы до ног пьяного, или по какой-нибудь другой собственной надобности, например, украсть или силою отнять у бедного саешника сапку, как нынешней весной случилось по Гороховой у Каменного моста, где мальчик-саешник горько плакал, что будочник взял у него большую сапку, не заплатив ему за нее. Помнят, что во время прошлогодних частых грабежей многие говорили здесь о будочниках: неужели у правительства никогда не найдется средств избавить Петербург от этих бесполезных и вредных существ, стоящих казие столь огромных расходов? Далее здесь вообще того мнения, что с преданием в Петербурге вечному забвению будочников и введением ходячей стражи, вовсе не нужно будет давать ей воинственный вид, а поставит ее на ногу мирных судей, одев ее, как в Лондоне *police-ten*, в обыкновенные, темного цвета сюртуки, при фуражках с каким-нибудь особенным знаком и снабдив просточками с полицейским гербом, совершенно как английских *police-ten*, отняв при том у нее всякую власть самоуправления на улицах... Натурально, говорят, следует избирать для этого людей заслуженных и испытанной нравственности, не только из одних отставных или бессрочноотпускных унтер-офицеров, но по желанию допускать на эту службу (которую правительству надлежит всячески облагородить в глазах народа) даже отставных и заштатных гражданских чиновников хорошего поведения. Содержание сих людей должно быть не солдатское или будочничье, а совершенно достаточное, которым они могли бы прилично себя содержать с семействами, одевать себя и нанимать вольную квартиру, что должно составить главную необходимость сего рода службы, ... живя же по обывательским домам где кто сам пожелает, они будут всегда в состоянии до тонкости знать все, что делается не только у них в доме, но и в соседних, а на улицах днем и ночью подслушивать разговоры и толки простого народа, по коим можно будет и следить за направлением умов нашей черни, что некоторым образом будет не совсем бесполезно и для соображений высшего начальства. Для достижения сей последней, довольно важной цели, надо... из среды людей, составляющих ходячую стражу, избрать еще и некоторых наиболее надежных и заслуживающих доверия... и непременно подчинить им прочих. Тогда только это нововведение... будет некоторым образом соответствовать лондонским *police-ten*, одаренным завидною способностью: все видеть и все слышать, а не то что предполагаемая наша ходячая стража, долженствующая, как слышно, состоять из тех же простых, необразованных будочников или наемных нижних чинов, которые не только не в состоянии судить о чем-нибудь, но и не видят и не слышат, что делается у них под носом!».

После этого документа особенно забавно смотрятся заявления современных СМИ, склонных превращать наше прошлое в сусальную сказку: «То ли дело будочник! Своя каморка, пусть и небольшая, да уютная и теплая. Сидит он в ней, поглядывает в окно, а выходит на улицу, если уж в том возникнет необходимость. Впрочем, сам вид будки внушал злоумышленникам трепет, обходили они ее стороной. А потому профессия будочника была почетная, уважаемая» («Московская правда». 21.IV.2000). «Порядок обеспечивали городовые, будочники (стационарный полицейский пост) и дворники... Они же быстро приходили на помощь в случае необходимости... Наши бабушки и прабабушки спокойно гуляли по улицам российских городов. Власть их надежно защищала» («Известия». 2.X.2000) и т.д. и т.п.

Последний российский фельдмаршал

ЧЕРНОГОРСКИЙ КОРОЛЬ НИКОЛА I

Татьяна ЙОВИЧ • Душан БАБАЦ (Югославия)

Политическое и военное сближение между Россией и Черногорией началось еще при Петре I. Официальные отношения были установлены в 1711 г. С тех пор на протяжении XVIII и XIX вв. Черногория являлась верным союзником России в борьбе с Турцией и оплотом православия на Балканах. По мере общих успехов отношения двух стран улучшались и достигли кульминации при последнем правителе династии Петрович-Негош Никола I.

Никола Петрович-Негош родился 27 сентября 1841 г. в селе Хераковичима. Его отец - великий воевода Марко прославился обороной монастыря Острог в 1853 г. и победами над турецкими войсками в 1858 и 1862 гг. После трагической смерти первого черногорского князя Данило (1826-1860), убитого в междоусобице, его племянник Никола вззошел на княжеский престол. В 1868 г. он совершил визит в Санкт-Петербург, во время которого Александр II преподнес князю символический подарок - легендарный меч знаменитого короля Стефана Уроша II Милутина, правившего Сербией (включавшей в то время и Черногорию) в 1282-1321 гг. Правда, современный палеографический анализ лезвия показал, что ни меч, ни помещенный на нем текст не относятся к столь раннему периоду и могут датироваться лишь XVIII в. Тем не менее, сам подарок в тот момент был очень важен, учитывая, что Александр II назвал князя: «Единственный верный друг России». Скоро это получило практическое подтверждение, когда в 1876 г. Черногория и Сербия объявили войну Турции. На полях сражений князь Никола проявил смелость, решимость, выдающиеся стратегические способности и получил в народе прозвание «Царь-герой». Черногорские войска одержали победы 28 июля на Вучьем Доле и 14 августа под городом Фундина. Однако союзная Сербия потерпела поражение и 28 февраля 1877 г. пошла на заключение мира. В этой ситуации князь Никола проявил незаурядное мужество, продолжив борьбу с Турцией в одиночку. 24 (12) апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции, и в тот же день Александр II наградил Никола I орденом Св. Георгия 3-го класса «за отличную храбрость и мужество, выказанное в борьбе с турками». В январе 1878 г. князь получил орден Св. Георгия 2-й степени.

Триумф 1877-1878 гг. окончательно сблизил Россию и Черногорию, превративших при Александре III этот союз не только в политический, но и династический. На фоне обострения отношений с Францией, Германией и Австрией Александр III особенно внимательно относился к дружественной Черногории. В мае 1889 г. было принято решение, что дочери князя Никола выйдут замуж за российских великих князей, в частности, Милица - за Петра Николаевича. Этот родственный союз должен был подтвердить высокий уровень двусторонних отношений. 20 мая 1889 г. на объединенном празднике лейб-гвардии Конно-Гренадерского и Уланского полков Александр III за завтраком провозгласил тост: «Пью за здоровье единственного и искреннего друга России — князя Николая Черногорского». Этот тост, опубликованный прессой, наделал много шума в политических кругах, существенно подняв авторитет Петрович-Негошей, которых многие королевские дома Европы не воспринимали как равных, а также обозначив приоритеты России на Балканах.

По случаю важного политического и династического решения Александр III 15(27) мая 1889 г. назначил Никола I шефом 15-го стрелкового полка, который офици-

Черногорский
Король Никола I
Петрович-Негош.

Портрет работы
неизв. худ. 1910-е гг.

Король одет в национальный костюм, на котором в числе многих черногорских и иностранных наград можно видеть высокие российские ордена: Св. Георгия 2-й ст. и Св. Андрея Первозванного

Юбилейный нагрудный знак 15-го стрелкового Его Величества Короля Черногорского Николая I полка в память 25-летнего шефства черногорского монарха. 1914 г. (Из коллекции М.Селиванова)

ально был переименован в 15-й стрелковый Его Высочества Князя Черногорского полк (см. стр. 32). В его списки также был зачислен наследник княжеского престола князь Данило, получивший право носить форму стрелков². Выбор шефского полка не был случайным. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. он входил в знаменитую 4-ю стрелковую бригаду, прославившуюся при переходе через Балканы, обороне Шипки и заслужившую почетное название «Железной». Впервые в форме 15-го стрелкового полка со знаками орденов Св. Андрея Первозванного и Александра Невского князь Никола и наследник Данило появились на Петербургском вокзале в июле 1889 г., приехав на свадьбу Милицы с Петром Николаевичем. Их встречал Александр III, одетый в генеральскую форму с черногорским орденом Данило I, а также императрица и другие члены императорской семьи³.

В течение последующих лет право носить форму 15-го стрелкового полка получили младшие сыновья черногорского князя Мирко и Петар⁴. Парадная форма со знаками отличия и оружием изготавливалась для черногорских князей Гвардейским экономическим обществом в Петербурге. Цена за полный комплект составляла около 370 рублей, а за шапку - 48 рублей⁵.

С 1900 г. князь Никола I и его семья стали титуловаться «Королевскими Высочествами». В том же году стрелки отличились на Дальнем Востоке, за что 19 февраля 1903 г. 7-я и 8-я роты полка получили на головные уборы знаки с надписью: «За отличие против Китайцев в 1900 году». По случаю 50-й годовщины полка, исполнявшейся 6 декабря 1906 г., князю Николае был преподнесен богат

Полковой мундир 15-го стрелкового полка, принадлежавший, судя по размеру, одному из сыновей короля. Видимо, по ошибке уже в наши дни к нему пристегнули полковые генеральские эполеты Николая I

Кивер пехотного образца, высочайше утвержденный 27.X.1910 г. для генералов при форме стрелковых полков (объявлен приказом по военному ведомству от 2.XI.1910 г. № 606). Шефы полков в отличие от остальных генералов имели на кивере образца, высочайше утвержденного 27.X.1910 г. для генералов при форме стрелковых полков (объявлен приказом по военному ведомству от 2.XI.1910 г. № 606). Шефы полков в отличие от остальных генералов имели на кивере образца, высочайше утвержденного 27.X.1910 г. для генералов при форме стрелковых полков (объявлен приказом по военному ведомству от 2.XI.1910 г. № 606). Шефы полков в отличие от остальных генералов имели на кивере образца, высочайше утвержденного 27.X.1910 г. для генералов при форме стрелковых полков (объявлен приказом по военному ведомству от 2.XI.1910 г. № 606).

оформленный альбом с полковыми фотографиями: командир, знамя, казармы, групповые снимки всех рот, сцены из повседневной жизни офицеров и солдат⁶.

В 1910 г. в связи с 50-летним юбилеем правления Никола I Черногория была провозглашена королевством, а Никола принял титул «Короля Черногорского». По этому случаю Николай II в знак особого расположения указом от 15 августа 1910 г. произвел черногорского монарха в российские генерал-фельдмаршалы, наследного принца Данило - в генерал-майоры, а среднего сына Петара - в поручики Российской армии. Высочайшая телеграмма об этом была зачитана знаменитым черногорским военачальником Янко Вукотичем (будущий премьер-министр Черногории в 1913-1914 гг.) после военного парада 17 августа 1910 г. на третий день провозглашения Королевства Черногории.

Это событие было торжественно отпраздновано в Черногории. В зале Парламента был установлен трон. По правую руку Короля располагались дипломаты и представители прессы, а по левую - особо важные гости. Возле входа находились министры Черногории. Справа от них стояли черногорские солдаты и офицеры с оркестром, а с левой - русские моряки также с оркестром и офицеры-представители 15-го стрелкового полка. Полковую делегацию возглавляли наследные принцы Данило и Петар Николаевичи в русской форме. Сам Никола I был одет в форму российского генерал-фельдмаршала⁷. Посланник императора великий князь Николай Николаевич (одновременно являвшийся зятем Николая, женатым на его дочери Стане) преподнес королю драгоценный золотой маршальский жезл, украшенный бриллиантами, а наследному принцу Данило - высший российский орден Св. Андрея Первозванного⁸. Делегация 15-го полка поздравила шефа и представила ежегодный доклад о своей деятельности.

В связи с новым титулом Николая I полк был переименован в 15-й стрелковый Его Величества Короля Черно-

горского Николая I полк. В 1914 г. по случаю 25-летнего юбилея шефства делегация полка во главе с полковником Владимиром Ивановичем Субиком посетила Николу I в Цетинье. Она преподнесла королю великолепную большую фотографию, на которой были запечатлены он, его сыновья и все офицеры полка. Кроме того, королю была подарена шашка, украшенная золотым рисунком и надписью: «XV стрелковый полк своему шефу 1889-1914». В ответ Никола I подарил для полковой часовни в Одессе два больших подсвечника, сделанных из железных прутьев и колючей проволоки из окопов Тарабоша и Барданола. Подсвечники украшали таблички с вырезанными

надписями: «Скадар-Тарабощ - 26-го января 1913г. - Бардановлт - 27-го января 1913 г. - Храброму 15-му Стрелковому полку - Никола I Король Черногории 1889-1914»⁹.

По случаю грядущего юбилея, 27 апреля 1914 г. был учрежден полковой нагрудный знак. Знак представлял собой по форме крест черногорского ордена Данило I, покрытый черной эмалью с красной каймой. На лучах креста помещались надписи: 1889-XXV- 1914- 15 мая. В центре на круглом, покрытом малиновой эмалью поле с золотой каймой располагался накладной вензель Никола I. Высота знака 43 мм, ширина - 37 мм. Это был один из последних нагрудных знаков Российской армии. Вскоре I Мировая война изменила и судьбу полка, и его шефа.

С началом боевых действий стрелки под командованием флигель-адъютанта полковника Сухих, отправившись в составе 4-й стрелковой бригады из Одессы на фронт. С сентября 1914 по август 1916 г. бригадой (развернутой в ходе войны в дивизию) командовал генерал А.И.Деникин. Наиболее известными сражениями для «железных» стрелков были: в 1914 г. во время Галицийской битвы - Монастыриска, Хыров, Стрый; затем Кросно, Дукло, Ясло, Лутовиска, Творильня, оборона Перемышля. Осенью 1915 г. - бои на Вольни в районе Лушка и Чарторыйска. В кампанию 1916 г. стрелки отличились во время Брусилловского прорыва.

Для короля Никола I война сложилась совершенно неудачно. Выступив на стороне Сербии, черногорская армия в январе 1916 г. была вынуждена отступить перед австрийскими войсками, занявшими всю страну, 17 января 1916г. Никола I покинул Черногорию, что подорвало его авторитет в народе. Уже 7 февраля был подписан акт капитуляции, согласно которому в Черногории устанавливался австро-венгерский оккупационный режим. После бегства короля страны Антанты все больше ориентировались на черногорский Национальный совет буржуазной оппозиции, находившийся в вынужденной эмиграции и присоединившийся в 1917 г. к принятой на острове Корфу декларации южных славян о создании единого государства сербов, хорватов и словенцев. Фактически это подготовило послевоенное устройство Черногории. 26 ноября 1918 г. Великая Народная Скупщина в Подгорице приняла решение об объединении Черногории с Сербией и детроизации Никола I, а также всей династии Петрович-Негошей. Королю и членам его семьи был запрещен въезд на территорию страны.

Последние годы король провел в местечке Кап-Антиб на юге Франции. К этому времени Никола I оставался последним живым российским генерал-фельдмаршалом. Давно ушли из жизни его предшественники. Последний по дате пожалования румынский король Кароль I умер еще 10 октября 1914 г. В изгнании Никола I смог заняться литературным творчеством, которому уделял большое внимание. Наиболее известными его произведениями являются драмы «Балканская царица» и «Князь Арванит». Перу монарха принадлежит также значительное количество поэм и песен. Умер Никола I 16 февраля 1921 г. Похоронили его в русской церкви в итальянском городе Сан-Ремо. В 1989 г. останки короля Никола I и королевы Милены были перевезены в Черногорию и 1 октября торжественно перезахоронены в Цетинье.

¹ Bogdanovti B. Award weapons in the First Serbian Uprising. // Museum Sabac Gazette. 2000. P. 106.

² «Glas Crnogorca». 1889. №21. Май 21.

³ Dragovic 2., Roganovic ft. Commemorative book of engagements and weddings of the Montenegrin Princesses Milica and Stana. Cetinje, 1896. P. 58.

⁴ В 1894 г. наследный принц Данило получил чин полковника. Вдень Св. Николая в 1901 г. принц Мирко был произведен в чин капитана («Glas Crnogorca». 1901. № 50. Декабрь 8).

⁵ Государственный архив Черногории. Управление Двора 18%. Ф. 32. №32 от 19.03.

⁶ Kapicic A., Jovic T. King Nikola's Palace. Cetinje, 2000.

⁷ «GlasCrnogorca». 1910.№40.Сентябрь I; «Cetinjskivjesnik». 1910 .№67. Август 21.

⁸ «Glas Crnogorca». 1910. № 37. Август 24.

⁹ Там же. 1914. №37. Май 24.

Общегенеральский мундир Российской армии, принадлежавший королю Николае I. Заметно, что мундир подвергся неудачной реставрации: обшлага вместе с клапанами перевернуты. Кроме того, вместо золотых общегенеральских эполет на мундире мы видим полковые - с малиновым полем, шифровкой и накладными фельдмаршальскими жезлами. Также совершенно не понятно наличие аксельбанта, который при русской форме королю не полагался

Князь Петар, младший сын Никола I в форме поручика 15-го стрелкового полка. Цетинье, 1910 г.

Мы благодарим Музей короля Никола I в Цетинье (Черногория) за возможность опубликовать изображения униформы и знаков различия, принадлежавших членам королевской семьи

Погоны 15-го стрелкового полка, принадлежавшие королю Николе I (слева направо): генерал-фельдмаршал (май-октябрь 1910 г.); генерал от инфантерии (1889-1910 гг.); генерал-фельдмаршал (май 1910 г.) - металлические (эполетные) жезлы помещены на прежние погоны до изготовления новых вышитых; генерал от инфантерии (май-июнь 1889 г.) — видимо, это были первые шефские погоны Николая I, которые он надел еще до прибытия в Петербург.

Слева представлен генеральский эполет с номером, относящийся к тому же периоду; а также эполет поручика, принадлежавший одному из младших сыновей короля

Высочайше утверждено:
Мая 29 - дня 1890г.

За Военного Министра
Генерал-Адъютанта

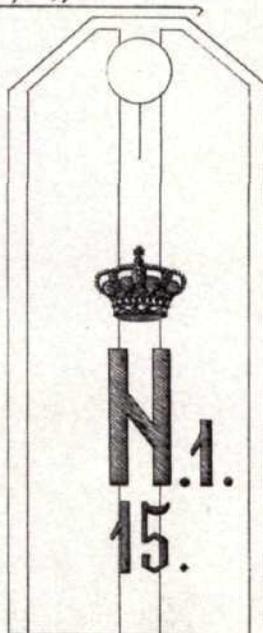
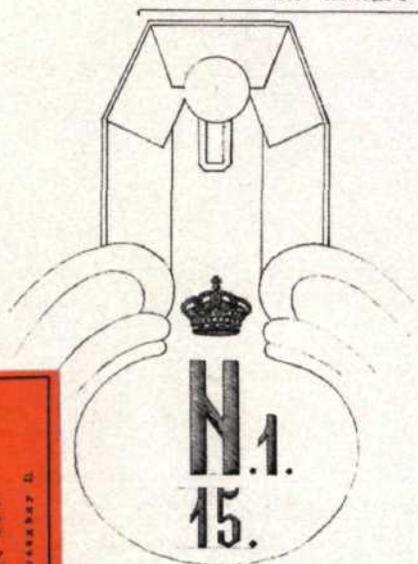
шифровки на эполеты и погоны для Штаба и Обер-офицеров
и на погоны для нижних чинов 15-го Стрелкового Его Высочества
Князя Черногорского Николая I князя.

В. В. В.

Для Штаба и Обер-офицеров

Для нижних чинов.

ОТДЕЛЪ
РИСУНКОВЪ И ЧЕРТЕЖЕЙ
№ 116
И. П. ПЕТЕРБУРГЪ

По приказу по военному ведомству 1889 г. № 150.

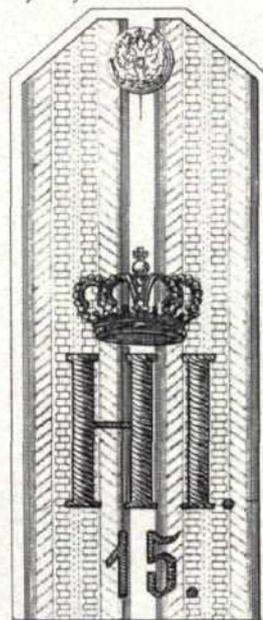
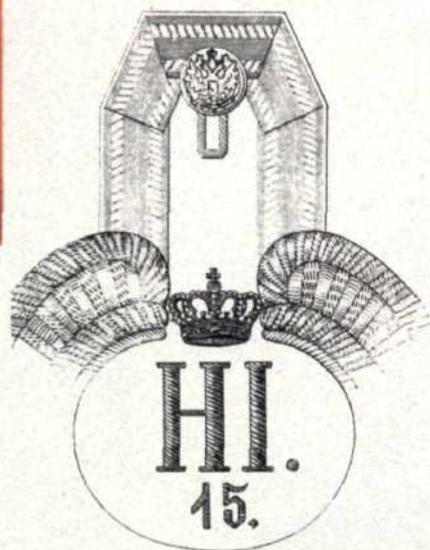

Высочайшее утверждение
 Императора Александра II
 Высочайше повелено
 Генерал-адъютанту Н.И. Мухоморову

Служебная **Рисунокъ**
 и шифровки на эполеты и на погоны для Штаба и Оберъ-офицеровъ
 и на погоны нижнихъ чиновъ 15го Стрѣлковаго Его Величества
 Короля Черногорскаго Николая I^{го} полка
 Для Штаба и Оберъ-офицеровъ Для нижнихъ чиновъ

ОТДѢЛЪ
РИСУНОВЪ И ЧЕРТЕЖЕЙ
 № 1352
 СЕН. 1852 Г.

Служебный оттиск
 Императорскаго Высочайшаго
 Генералъ-адъютанта *Гласнаго*

15-й Стрѣлковый Его Высочества Князя Черногорскаго Николая I полкъ.

Старшинство
съ 1856 г. Декабря 6.

Полковой праздникъ
4 Ноября.

1856 г. Декабря 6. Изъ 3-й и 4-й ротъ 1-го Запаснаго Стрѣлковаго баталіона сформированъ 15-й Армейскій Стрѣлковый баталіонъ.

1857 г. Марта 18. Названъ 15-мъ Стрѣлковымъ баталіономъ.

1888 г. Декабря 31. Переформированъ въ 2-хъ баталіонный 15-й Стрѣлковый полкъ.

1889 г. Мая 15. Названъ 15-мъ Стрѣлковымъ Его Высочества Князя Черногорскаго Николая I полкомъ.

ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ:

Знамя Георгіевское, съ надписью: „За двукратный переходъ черезъ Балканы въ 1877 году“. Высочайшая грамота 14 Іюля 1878 года.

ШЕФЪ ПОЛКА:

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКИЙ НИКОЛАЙ I
съ 15 Мая 1889 г.

Числятся въ полку:

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНЫЙ КНЯЗЬ ЧЕРНОГОРСКИЙ ДАНИИЛЬ
съ 30 Іюля 1894 г.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВА КНЯЗЯ ЧЕРНОГОРСКОГО, КНЯЗЬ МИРКО
съ 29 Іюля 1895 г.

15

ПОЛКОВОЙ АЛЬБОМ КИЕВСКИХ ГУСАР

Ярослав ТИНЧЕНКО

Схема обмундирования 15-го стрелкового полка. (С.И.Соваж. «Российская Императорская Армия». СПб., 1894. Табл. VI) 22.VI.1899 г. полку, расположенному в Одессе, летние фуражки положено носить с козырьком, а 26.VI.1899 г. зимние барашковые шапки отменены, и вместо них установлены фуражки с козырьком и государственным гербом на тулье. До 1907 г. в летнее время на фуражку надевался белый чехол, закрывавший тулью, околыш и козырек.

Страница из справочной книжки Императорской Главной квартиры «Стрелковые части» (СПб., 1900), на которой наклеена разрезанная интендантская карточка 15-го стрелкового полка 1903 г. (Музей-панорама «Бородинская битва») Такую форму офицеры полка носили с 1882 по 1907 г., лишь 29.V.1889 г. номер 15 на эполетах и погонах был заменен вензелем Николая I. Нижние чины имели соответствующий внешний вид в 1899-1907 гг. 7-я и 8-я роты полка 19.II.1903 г. получили на головные уборы знаки с надписью «За отличие против китайцев в 1900 году.».

Схема обмундирования 15-го стрелкового полка по состоянию на 1 февраля 1910 г. (В.К.Шенк. «Таблицы форм обмундирования Русской Армии») Такую форму, установленную в декабре 1907 г., стрелки с незначительными изменениями носили до начала I мировой войны. С апреля 1910 г. знаки отличия 7-й и 8-й ротам положено носить на тулье зимних фуражек

В 1920-30-е гг. погибло огромное количество фотографий российских военнослужащих. Офицеры и солдаты, ушедшие в эмиграцию, зачастую попадали на турецкий берег в изношенных мундирах и с одной парой белья. В этих условиях было не до фотографий. Те же кто оставался в Советской России, храня фотографии и полковые альбомы, подвергались серьезной опасности. При арестах фотографии изымались в первую очередь, а затем — либо расходились по рукам «ценителей» из ОГПУ-НКВД, либо уничтожались — как лишние вешдоки.

На сегодняшний день полковые альбомы — большая редкость. Более-менее подробно сохранилась фотолетопись императорской гвардии, некоторые пехотные полки. А вот с кавалерией — много сложностей. По нашим данным, в московских архивах нет ни одного альбома гусарских полков.

Один из таких альбомов — 9-го гусарского Киевского полка — был случайно обнаружен автором этой статьи в Государственном архиве кинофотофонодокументов Украины. находка эта еще ценна и тем, что от Киевского полка, существовавшего по официальной версии с 1668 г., в архивах осталось лишь несколько десятков дел, да и то за 1914-17 гг. Архив же самого полка погиб.

9-й гусарский полк располагался в небольшом местечке Василькове — в 34 верстах от Киева. Городок был маленький — едва 10 тысяч жителей. В общем, несмотря на близость крупнейшего центра Российской империи — полная глушь. Альбом полка создавался на протяжении 1910 года — в период командования киевскими гусарами Абрама Михайловича Драгомирова. На фото

отображена вся нехитрая жизнь полка: от отхода штандарта в сопровождении городских гусей, до застеленных кроватей нижних чинов; от казарм до гауптвахты.

Служить в Василькове было, вероятно, достаточно скучно. Лишь на выходные офицеры могли себе позволить выбраться в Киев. В остальное же время — служба, достаточно рутинная, и компания своих товарищей по полку. Поэтому можно смело утверждать, что жизнь киевских гусар, запечатленная на фотографиях из альбома, была весьма характерна и для прочих полков армейской кавалерии, разбросанных на всем протяжении западной границы Российского государства.

О киевских гусарах написано лишь несколько небольших очерков, повествующих об отдельных периодах их жизни. Полковником Фомицким, старейшим киевским гусаром, была создана полковая история, так и не увидевшая свет. По слухам, до 1970-х гг. она хранилась в Научной библиотеке Украины. Но ее уничтожило тупое, надменное и малообразованное руководство библиотеки во время брежневской кампании по борьбе с «вредными книгами». И ныне судьбу полка приходится восстанавливать почти с нуля — по крупицам. В том числе и по этому альбому, публикацией которого мы открываем новую рубрику «Фотолетопись»...

Трубаач и вахмистр в парадной форме, гусар в повседневной форме (долман и цветная фуражка), гусар в защитном походном мундире обр. 1909 г. На фотографиях такие походные мундиры встречаются достаточно редко, поскольку уже в 1912 г. их заменили на суконные рубахи

«Занятий в городе мало, но зато донимают дежурства — через два дня в третий... Это изводит здорово. Сменишься в 12 часов дня, едешь в канцелярию, пока полковник не уйдет домой, затем следуешь его примеру и едешь домой обедать. После этого ложишься спать до четырех часов, затем встаешь пьешь чай и едешь в караульное помещение. В 8 часов вечера велишь играть «зорю», после которой отправишься к полковнику с вечерним рапортом, где обыкновенно приглашают пить чай, выпив который направляешься к какому-нибудь из семейных (не только когда дежурный, а вообще каждый вечер), где часов около двенадцати кормят ужином, а часу во втором или позже уже лежишь у себя в кровати. На следующий день, если дежурный, должен приходить в канцелярию к девяти часам утра, где встретить полковника с рапортом, если же никуда не должен идти, то лежишь себе в постели до десяти часов, вставши же, до самого вечера бродишь по квартире...»
Из старых писем (старый кавалерийский быт) // Военная Бель. Париж. 1970. №106. С 19.

Гусарский офицер в парадной форме вне строя. На последнее обстоятельство указывает сабля в металлических ножнах вместо строевой шашки

Полковое офицерское собрание. Во главе стола (спиной к нам) - командир полка А. М. Драгомиров. Слева и справа от него — штаб-офицеры, дальше — обер-офицеры, сидящие строго по чинам. Прислуживает гусар в доломане. Показательно, что офицеры одеты как в доломаны, так и в полевую форму

Схема обмундирования 9-го гусарского Киевского полка по состоянию на 1 января 1910 г. (В. К. Шенк. «Таблицы форм обмундирования Русской Армии») **В марте 1910 г. зимние** суконные фуражки нижних чинов велено иметь без козырька и наружных подбородных ремней

Офицеры с полковыми дамами. Офицеры одеты в зимнюю парадную форму: шинели, гусарские шапки, кушаки, белые перчатки

Полковая канцелярия. Здесь, как правило, находились сверхсрочные писаря и дежурный офицер. На стене - портрет военного министра генерала от кавалерии В. А. Сухомлинова, бывшего командующего Киевским военным округом

Офицеры 9-го гусарского Киевского полка перед домом офицерского собрания

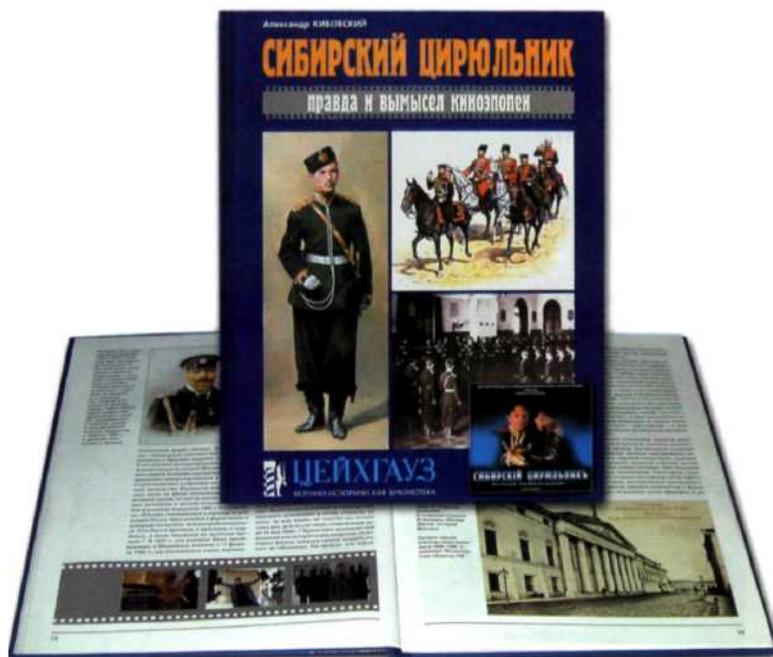
Кибовский Александр Владимирович

Сибирский цирюльник. Правда и вымысел киноэпопеи. — М.: Обо «Издательский центр «Экспринт», 2002. — 76 с, ил.

Книга кандидата исторических наук А.В.Кибовского посвящена одной из актуальных проблем отечественного кино - отсутствию исторической достоверности в картинах о прошлом России. На примере фильма «Сибирский цирюльник» показано, как в результате авторских стереотипов и домыслов, невнимания к историческим ситуациям и фактическим деталям Российская империя превращается на экране в сказочную Швамбрию, не имеющую никакого сходства со своим славным прототипом. На основе многочисленных источников рассказывается о реальной жизни военных училищ времен Александра III, мире арестантов и каторжников, а также о многих других подробностях эпохи 1880-х гг. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями - репродукциями со старинных картин, фотографий, рисунков, планов, а также современными реконструкциями, выполненными на основе исторического материала.

В продаже в магазинах с начала ноября

**Для оптовых покупателей: 115533 Москва а/я 25
тел.(095) 118-28-00**

ОБЕЛИСК НА ЧУЖБИНЕ – КРЕСТ НА РОДИНЕ

Виктор ПЕТРАКОВ

В «Цейхгаузе» № 14 мы напомнили читателям о трагической судьбе генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова, погибшего во время катастрофы 2-й русской армии в августе 1914 г. Этой же теме были посвящены публикации в кировоградской газете «Народное слово». На фоне ухоженного в лучших европейских традициях и посещаемого туристами обелиска в Восточной Пруссии (сегодня Ольштынское воеводство Польши) - его фото публиковалось в журнале - мы столкнулись с полным историческим беспамятством и даже вандализмом на Родине генерала. В бывшем имении Самсоновых селе Акимовке на месте снесенного при советской власти семейного кладбища раскинулся унылый пустырь. Не сохранилось ни церкви, ни усадьбы. Все было предано забвению: и участие А.В.Самсонова в русско-турецкой войне 1877-78 гг.; и его 8-летняя служба начальником Елисаветградского юнкерского кавалерийского училища, где обучался и воспитывался цвет российской кавалерии; и добровольный уход генерала на русско-японскую войну 1904-05 гг., за отличие в которой он получил орден Св. Георгия 4-й степени; и 6 лет руководства Туркестаном в качестве талантливого генерал-губернатора, повлиявшего на развитие хлопководства, водоснабжения и орошения в крае.

После забвения на Родине трудно требовать признания российских заслуг от иностранных государств. И все же хотелось бы, чтобы современная Франция чтילה память десятков тысяч русских солдат и офицеров, сложивших вместе с кавалером ордена Почетного легиона А.В.Самсоновым свои головы у Мазурских болот, оттянув германские силы от Марны, разрушив «план Шлиффена», и внесших значительный вклад в спасение французской столицы. Увы, в экспозиции военного музея в Доме инвалидов в Париже нет и упоминания о жертвенном наступлении 2-й армии.

Трагическая судьба А.В.Самсонова часто привлекала внимание историков и писателей. О нем писали Александр Солженицын и Сергей Сергеев-Ценский, Святослав Рыбас и Барбара Такман. Однако за грандиозностью замыслов и шумом полемики оставался без внимания тот элементарный факт, что могила доблестного генерала попросту не существует. К счастью, о ней помнили отдельные жители украинской Акимовки, знали в Кировоградском областном краеведческом музее. Публикации в «Цейхгаузе» и «Народном слове» вызвали горячий отклик в сердцах российских и украинских ревнителей военной истории. В Кировоградской области их объединило недавно созданное историко-культурологическое общество «Ойкумена», которое возглавляет Лариса Гайда. Инициативная группа, в которую вошли музейный работник Константин Шляховой, журналист Владимир Босько, архитектор Виталий Кривенко, работник банка Александр Дынич были единодушны в том, что необходимо срочно

антиквары. Подтвердилось, что и сегодня у нас есть равнодушные люди, не просто возмущающиеся чем-то, а делающие реальные шаги для исправления тех несправедливых дел, которые натворили до них и независимо от них.

И вот первый этап завершен - гранитный крест установлен. Предстоят еще раскопки, некоторые строительные работы, создание памятного уголка в школе, стенда в краеведческом музее г. Малая Виска, для которого народный художник СССР, академик П.П.Оссовский пишет портрет А.В.Самсонова. Но уже сейчас хочется сердечно поблагодарить всех бескорыстных патриотов, внесших свою лепту в восстановление места, где можно поклониться праху генерала от кавалерии А.В.Самсонова. Всем участникам этой благородной российско-украинской акции, в том числе журналу «Цейхгауз», вручены специально изготовленные памятные открытки.

исправить историческую несправедливость, вернуть память об А.В.Самсонове его землякам и установить на месте захоронения гранитный крест с соответствующей надписью.

К этому благородному делу подключились москвичи, калужане и даже парижане. Откликнулся коллектив Акимовской школы. Местный сельский совет принял решение, разрешающее установку креста.

Показательно, что живое участие в замечательной акции приняли отнюдь не официальные органы, а частные лица, энтузиасты, прежде всего, коллекционеры-фалеристы и

Знаки отличия Оренбургского казачьего войска. 1918-19

В большинстве исследований, посвященных наградной системе белого движения в годы Гражданской войны, нет даже упоминания о знаках отличия, существовавших тогда в Оренбургском казачьем войске. В то же время награды других казачьих войск этого периода изучены уже достаточно глубоко. Чем же награждали отличившихся участников антибольшевистской борьбы в Оренбургском казачьем войске, где гражданское противостояние с момента его зарождения носило самый ожесточенный характер?

Атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И.Дутов, выступая перед депутатами хабаровской городской Думы 4 июля 1919 г.¹, сказал: «Я думаю, что количество орденов не всегда указывает на количество заслуг. В нашей армии (имелась в виду Отдельная Оренбургская армия, которая с 23 мая 1919 г. вошла в состав Южной армии, а командующий армией А.И.Дутов получил назначение на пост инспектора кавалерии Восточного фронта и Походного атамана всех казачьих войск — А.Г.) орденов не носят. Самая дорогая награда будет тогда, когда русский народ скажет нам за себя — «спасибо»².

Действительно, оренбургские казаки, в отличие от своих соседей уральцев (в Уральском казачьем войске существовал орден — крест Архангела Михаила), не имели собственных орденов. Однако в Оренбургском войске для казаков-участников Гражданской войны были учреждены специальные знаки отличия: нагрудный знак и нарукавная нашивка.

Нагрудный знак

В Российском государственном военном архиве среди документов штаба обороны Оренбургского казачьего войска удалось обнаружить приказ об учреждении нагрудного знака для казаков, отличившихся в борьбе против большевиков.

Текст приказа в той его части, которая касается награды, мы приводим полностью, даты — по старому летоисчислению:

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА ОБОРОНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

№40

9 Мая 1918 г. Тургай

§ 1. Объявляется постановление Войскового Правительства от 8 мая с.г.⁴ за № 337 о награждении отличившихся в бою с большевиками нагрудным знаком.

«Войсковое Правительство, рассматривая вопрос о борьбе с большевизмом и желая отметить ревностных защитников Оренбургского казачьего войска,

ПОСТАНОВИЛО: Учредить отличный знак в виде соединенной ленты синего цвета⁵ с Георгиевской, носимой в петлице шинели или по борту рубашки, (кителя, мундира) по образцу Георгиевской ленты.

Для награждения этим отличием, учреждается ОРДЕНСКАЯ ДУМА в составе 5 лиц из числа, имеющих Георгиевский крест, коим при награждении руководствоваться статутом Георгиевского креста». Подлинное за надлежащими подписями.

§ 2. В ОРДЕНСКУЮ ДУМУ, согласно постановления Войскового Правительства за № 337 назначаются: председатель, Полковник Панов, членами — Сотник Савин, Хорунжий Медведев, Поручик Дордет и урядник Котышев.

Запасные члены — Подхорунжий Шутов и вахмистр Горшенин.

§ 3. Все дела о представлениях делать, руководствуясь Георгиевским статутом и направлять по команде [...]⁶

Приказ подписали начальник обороны войска полковник А.И.Дутов и начальник штаба обороны войска полковник Н.А.Поляков.

Приказ был издан во время Тургайского похода, когда Войсковое правительство и Войсковой атаман с отрядом из 240 казаков (партизанский отряд Оренбургского казачьего войска) были вынуждены покинуть территорию войска и уйти в тургайские степи. В Тургае отряд находился чуть больше месяца (с 10 мая по 12 июня 1918 г.).

**Генерал-майор Генерального Штаба
И.Г.Акулинин, кавалер «ленты отличия».
(ГАРФ)**

**Войсковой атаман генерал-лейтенант
А.И.Дутов с «лентой отличия» и
нашивками за ранения. (ГАРФ)**

После получения сведений об успехах антибольшевистского повстанческого движения на территории Оренбургского казачьего войска было решено вернуться. 7 июля 1918г. отряд вступил в Оренбург, уже освобожденный повстанцами от большевиков.

Современный исследователь наград периода Гражданской войны Д.И.Петере называет данный нагрудный знак «лентой отличия»⁷.

Как видно из приказа, в нем ни разу не упомянуто подобное название, хотя очевидно, что речь идет о награде такого рода. Из этого можно сделать вывод, что название «лента отличия» не являлось изначальным, а появилось позднее.

Например, такое название встречается в указе Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 334 от 22 октября 1918 г. о награждении войскового старшины Карташева «за атаку на противника в конном строю и доведение ее до удара холодным оружием»⁸.

Среди награжденных «лентой отличия» были: Войсковой атаман генерал-лейтенант А.И.Дутов, его ближайший помощник генерал-майор Генерального Штаба И.Г.Акулинин, генерал-лейтенант А.С.Бакич, генерал-майор В.А.Карликов и другие. Однако награждались этим знаком не только офицеры и генералы, но и рядовые казаки.

По всей видимости, не существовало строгой регламентации размеров и формы этой награды, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии награжденных.

Кроме того, в Оренбургском казачьем войске практиковались награждения за отличие Георгиевскими крестами. Например, 6 мая 1919 года, в день Войскового праздника, ко-

мандир II Оренбургского казачьего корпуса генерал-майор Генерального Штаба И.Г.Акулинин произвел массовое награждение отличившихся в ходе Оренбургской операции казаков и стрелков Георгиевскими крестами, причем из-за отсутствия этих наград отличившимся выдавались Георгиевские ленточки⁹.

Нарукавная нашивка

Для казаков, получивших ранения в борьбе с большевиками, Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска 21 мая 1918 г. учредило особое отличие - нарукавную нашивку.

В русской армии нашивки за ранения были введены в декабре 1916 г. Нашивки носились над обшлагом левого рукава кителя, рубахи, мундира и шинели. Офицеры должны были иметь нашивки по цвету прибора, а нижние чины - нашивки красного цвета. Каждая следующая нашивка размещалась над предыдущей¹⁰.

Как сообщалось в постановлении Войскового правительства Оренбургского казачьего войска № 335, «*Войсковое Правительство, рассматривая вопрос о борьбе с большевизмом, постановило: всем раненым при защите войска установить на левом рукаве синего цвета нашивку, по образцу нашивки для раненых, объявленном (так в тексте - А.Г.) в приказе по Военному Ведомству [...]»¹¹.*

Первый раз нашивка за ранение была присвоена уже через три дня - 25 мая 1918 г. Тогда право на ее ношение получили сразу тридцать офицеров и нижних чинов партизанского отряда Оренбургского казачьего войска, в том числе известные деятели антибольшевистского движения: войсковые старшины Бородин (первый в списке) и Душинкевич, сотник Савин и другие¹².

Приведенные выше факты служат, на наш взгляд, еще одним подтверждением тезиса о том, что в период Гражданской войны многие антибольшевистские правительства, в том числе и Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, перешли на новые нетрадиционные виды наград, которые, все же, в своей основе имели систему отличий Российской Императорской армии (в Оренбургском казачьем войске - сохранение георгиевской символики и приборных цветов войска). Большевики же изначально выстраивали собственную наградную систему, основываясь на отрицании старого. И лишь в 40-х годах XX века им пришлось, в какой-то мере, вернуться к русской наградной традиции.

художник Андрей Карашук

Хорунжий 5-го Оренбургского казачьего полка с «лентой отличия» и нарукавными нашивками: серебряной за ранение в I мировую войну и светло-синей за ранение в борьбе с большевиками

¹ Все даты, кроме специально оговоренных, приводятся по новому стилю
² Приамурье. № 3393. 06.07.1919 г. Хабаровск. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 952. Оп. 3. Д. 28. Л. 13.
³ 22.05.1918 г. по новому стилю
⁴ 21.05.1918 г. по новому стилю
⁵ Светло-синий — цвет приборного сукна Оренбургского казачьего войска.
⁶ РОССИЙСКИЙ государственный военный архив (РГВА). Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
⁷ Петерс Д. И. Дополнительные материалы к истории наград периода гражданской войны и Белого движения 1918-1922 гг. Филадельфия, 1997. С. 35.
⁸ РГВА. Ф. 40327. Оп. 1. Д. 16. Л. 197.
⁹ РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 24. Л. 25об.
¹⁰ Приказ по военному ведомству № 710. 1916 г.
¹¹ РГВА. Ф. 39503. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
¹² Там же. Л. 25об-26.

ПОГОНЫ МАРШАЛОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. 1943-1994

Алексей СТЕПАНОВ
Кирилл ЦЫПЛЕНКОВ

Высшее воинское звание «Маршал Советского Союза» было введено для начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии 22 сентября 1935 г. Вскоре, 20 ноября того же года одновременно стали маршалами сразу пять видных военных деятелей СССР, а всего за время своего существования это звание присваивалось 41 раз (см. таблицу на стр. 47).

Первоначальный вариант знаков различия для маршалов Советского Союза был установлен 2 декабря 1935 г. постановлением СНК СССР №2590. С введением для высшего командного состава Красной Армии формы одежды генеральского образца 10 июля 1940 г. постановлением СНК № 1221 был несколько изменен внешний вид маршальских петлиц и нарукавных знаков. В 1942 г. был намечен переход Красной Армии на новые знаки различия — погоны.

С января 1942 г. началась разработка погон для всех категорий военнослужащих, в том числе для генералов Красной Армии и маршалов Советского Союза. Основой послужили генеральские погоны старой Российской армии с характерным зигзагообразным рисунком галуна. При этом пятиконечные звездочки и эмблемы, соответствующие генеральским званиям, размещались по уже существующей схеме, принятой в 1940 г. для петлиц. Композиция погон маршала Советского Союза, разработанных к маю 1942 г., в целом также воспроизводила «петличную» — вариант с верхним расположением звезды и эмблемой внизу. Отличие состояло в замене эмблемы «серп и молот» на изображение государственного герба СССР образца 1936 г.

Периодическим пересмотром предполагаемой даты введения погон сопровождалось внесение в проект серьезных поправок, автором которых выступал лично И.В.Сталин¹. Одновременно с проработкой поправок художники Технического комитета и специалисты Центральной опытной военно-пошивочной мастерской Управления вещевого снабжения Главного интендантского управления Красной Армии продолжали совершенствовать элементы вышивки, материалы и фурнитуру. К октябрю 1942 г. система генеральских погон приобрела законченное построение с различием в расцветке кантов, ширине погон и количестве одинаковых звездочек, расположенных в одну линию. Погоны маршала Советского Союза, в этом ряду выделялся одной большой звездой, расположенной посередине. Вечером 20 декабря 1942 г. в канун дня своего 63-летия И.В.Сталин одобрил окончательные образцы новых знаков различия².

6 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии»³ (объявлен приказом НКО СССР от 10 января 1943 г. № 24) были утверждены образец и описание полевых и повседневных погон маршала Советского Союза: «Полевые погоны изготавливаются из шелка особого переплетения на суконном подбое. Цвет поля погон — защитный. Цвет канта погон: Маршалов Советского Союза — красный... На погонах маршалов Советского Союза — вышитая серебром большая пятиконечная звезда... Пуговицы на погонах с гербом металлические, золоченые, диаметром 1,8 см... Повседневные погоны для маршалов Советского Союза... по размерам, количеству и расположению знаков отличия — одинаковы с полевыми погонами. Материал погон — золотой галуны особого переплетения...»⁴. Длина погон была установлена 14 - 16 см применительно к ростовкам обмундирования, ширина — 6,5 см, ширина канта — 0,25 см.

10 января 1943 г. была утверждена окончательная редакция временных технических условий (ТУ) № 733 «Погоны Маршалов Советского Союза, генералов Красной Армии и высшего начальствующего состава КА», в соответствии с которыми, а также с инструкцией № 732 от 8 января 1943 г., длина погон маршалов Советского Союза устанавливалась по индивидуальной мерке, расстояние от нижнего края погона до центра звезды составляло 6,6,5 или 7 см (в зависимости от размера погона)⁵.

На данных о размере звезды стоит остановиться особо. В качестве размера в обоих документах указано расстояние между противоположными концами звезды — 45 мм. Данное положение вступило в противоречие с утвержденным образцом погона, размер звезды которого в действительности составлял 50 мм. Совершенно очевидно, что величина 45 мм (которая на самом деле характеризует размер карты для вышивки) была использована в графе «Основные измерения погон в готовом виде» по ошибке составителей. Однако эта ошибка осталась незамеченной и, подобно вирусу, смогла так глубоко укорениться, что еще в течение целого ряда последующих лет засоряла техническую документацию на погоны маршала Советского Союза. Дальнейшее повествование еще не раз потребует затронуть эту проблему.

Остается добавить, что погон с большой звездой посередине успели изготовить очень немного, и ни один из маршалов Советского Союза их, вероятно, не носил. Ведь именно 1 февраля 1943 г., когда в соответствии с приказом полагалось начать переход на новые знаки различия, в погоны маршалов Советского Союза было внесено существенное изменение.

...

15 января 1943 г. Народный комиссар обороны СССР И.В.Сталин подписал приказ № 25, в соответствии с которым полмесяца отводилось на изготовление и еще полмесяца на практическое обеспечение всего личного состава Красной Армии полевыми и повседневными погонами⁶.

В этот день в Ставке Верховного Главнокомандования обсуждался эскиз погона маршала артиллерии, и уже существовало подготовленное решение о введении дополнительных маршальских званий для военачальников отдельных родов войск (см. «Цейхгауз» № 17). Теперь совершенно очевидно, что тогда Ставка готовилась отметить высоким званием своего представителя под Сталинградом генерал-полковника артиллерии Н.Н.Воронова, занятого подготовкой разгрома окруженного противника. На следующий день, 16 января 1943 г., был представлен рисунок погон маршалов трех родов войск и соответствующие образцы. Сделав замечание относительно расположения звезд и эмблем, И.В.Сталин приказал заодно доработать и погон для маршала Советского Союза — добавить герб СССР⁷.

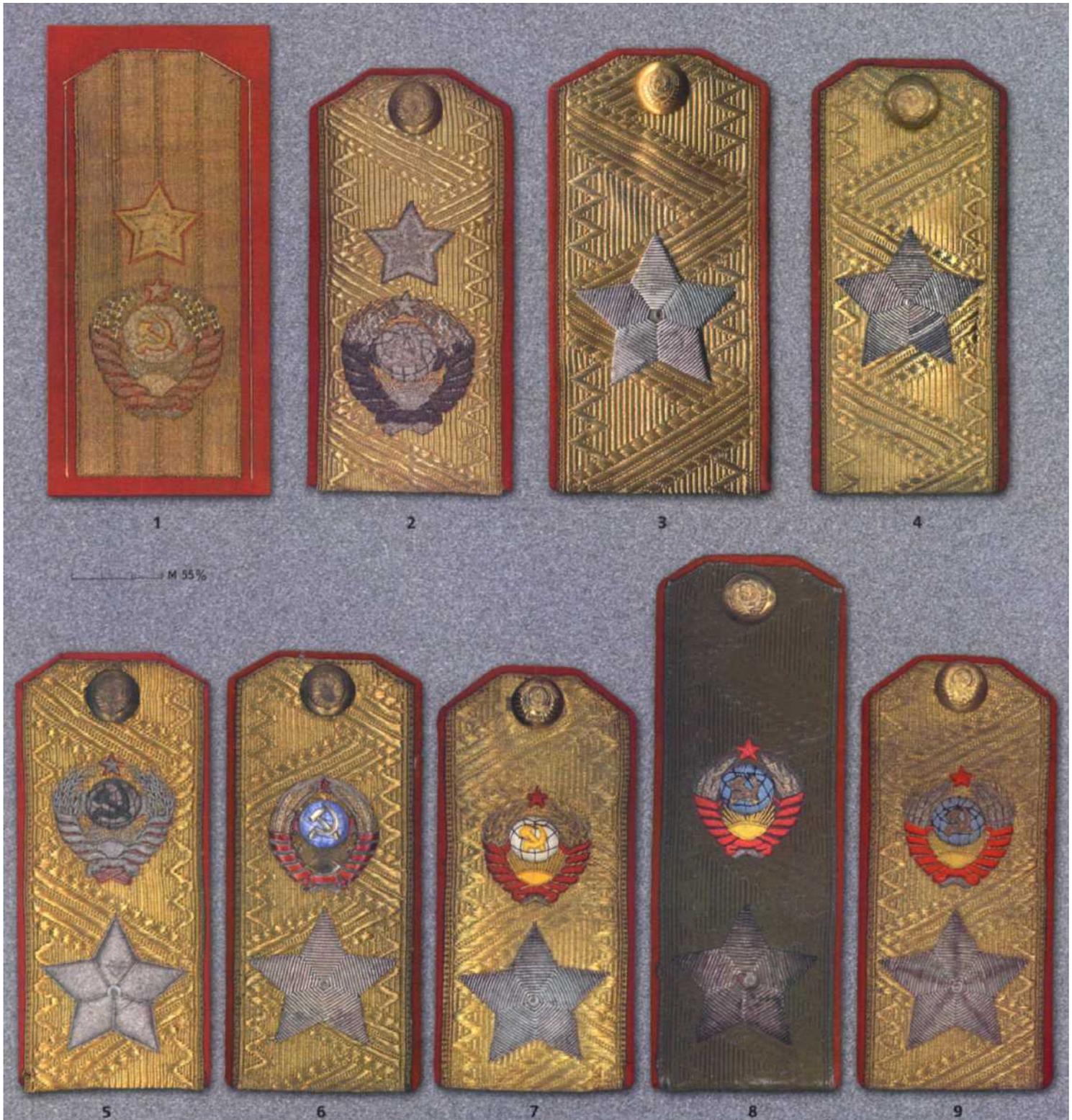
Репродукция готового повседневного погона из брошюры Ф.В.Пудника «Изготовление погон личного состава Красной Армии» изд. ГИЗЛЕГПРОМа. Конец 1944 г. (Размер звезды соответствует ТУ № 733 — на полсантиметра меньше, чем на образце, утвержденном Указом ПВС СССР от 1.02.1943 г.)

публикуется впервые

Самое раннее изображение маршальских погон из альбома рисунков по проектированию новых знаков различия изд. Технического комитета ГИУ КА. Начало 1942 г.

Все представленные погоны - из коллекции А.Степанова, за исключением:
№3 на этой стр. - из частной коллекции.

Погоны и проекты погон маршалов Советского Союза, 1942-1953 гг.

1. Макет погона к обмундированию мирного времени с образцом вышивки, 1942 г
2. К обмундированию мирного времени, 1942 г. (проект).
3. Повседневный, 1942 г. (опытный образец на основе генеральского галуна старой Российской армии).
4. Повседневный, 1943 г.(отменен 4.02.1943 г приказом НКО СССР № 51).

5. Повседневный, январь 1943 г. (проект).
6. Повседневный, январь 1943 г. (опытный образец - герб из серебра с позолотой и эмалью).
7. Повседневный, 1943-1946 гг. (Г.К.Жуков).
8. Полевой, 1943-1946 гг. (Ф.И.Толбухин).
9. Повседневный, 1946-1953 гг. (А.М.Василевский).

18 января 1943 г. член Ставки генерал армии Г.К.Жуков получил звание маршала Советского Союза, а генерал-полковник артиллерии Н.Н.Воронов — звание маршала артиллерии. Вечером того же дня начальник Тыла Красной Армии генерал-полковник интендантской службы А.В.Хрулев вышел из сталинского кабинета с одобренными рисунками новых маршальских погон, которые теперь оставалось воплотить в образцы. Согласно пометке, сделанной Хрулевым 20 января, суть последней поправки вождя заключалась в замене на погонах маршала Советского Союза серебряного герба СССР цветным⁸.

1 февраля 1943 г. Указом ПВС СССР⁹ (объявлен приказом НКО СССР от 4 февраля 1943 г. № 51) были утверждены новые образцы полевых и повседневных погон маршалов Советского Союза, которые имели в верхней части герб СССР шириной 38 мм и высотой 42 мм, вышитый цветным шелком, серебряной и золотой мишурой, а ниже — звезду из серебряной канители с расстоянием между противоположными концами 50 мм. Расстояние от верхнего края до центра герба — 55 мм, от нижнего края до центра звезды — 35 мм (размеры соответствуют утвержденному образцу — Авт.).

Не все маршальские погоны в период 1943-1945 гг. изготавливались в точном соответствии с образцом. Это было обусловлено отсутствием исчерпывающего описания: расчетные данные о размещении герба и звезды для разных ростов существовали отдельно от ТУ № 733 (не получивших соответствующего дополнения). Кроме того, в тексте Указа от 1 февраля 1943 г. размер звезды - 50 мм — был назван «диаметром», что при хордовом измерении «с луча на луч» дает не более 47 мм.

Эполет маршала Советского Союза (проект), 1944 г. (Музей формы одежды Российской армии и армий иностранных государств)

Усугубила сложившуюся путаницу брошюра «Изготовление погон личного состава Красной Армии», вышедшая в 1944 г. тиражом 5.000 экземпляров. В ней на цветной вклейке была помещена полномасштабная репродукция погона маршала Советского Союза со звездой размером 45 мм, что вполне соответствовало данным ТУ № 733, но весьма заметно противоречило утвержденному образцу¹⁰.

В 1944 г. на снабжение маршалов, генералов и офицеров Красной Армии стало поступать летнее пальто из легкой шерстяной ткани, введенное 30 апреля 1943 г. приказом НКО СССР № 198 взамен прорезиненного плаща. К пальто были установлены мягкие полевые и повседневные пришитые погоны, тех же размеров, что и жесткие съемные. Согласно директиве Главного интенданта Красной Армии от 29 мая 1944 г. № Т-П1118 вшивные или пришитые по всему периметру погоны разрешалось носить также на шинелях, плащах и гимнастерках.

В развернутой кампании по реставрации традиционных военных отличий заслуживает внимания проект, связанный с попыткой введения золотых эполет к парадному обмундированию маршалов. На волне триумфальных настроений весны 1944 г. работа по усовершенствованию существующего парадного обмундирования имела целью максимально приблизить его к аналогам времен расцвета отечественного парадного мундира.

14 июня 1944 г. готовые образцы и описания парадной формы одежды маршалов Советского Союза, главных маршалов, маршалов родов войск и генералов Красной Армии были представлены на утверждение. Эполеты предполагались только в качестве отличия мар-

шальских мундиров: «Эполеты маршалов Советского Союза состоят из поля и бахромы. Поле эполета из золотого галуна фасонного переплетения с вышитыми знаками различия. Подбой эполет из приборного сукна... Бахрома составлена из жгутиков, сшитых из глянцевого и матовой золотой волоки в два слоя. Вдоль края закругленной части эполета — четыре золотых жгутика, параллельных друг другу. Эполеты по краям окантованы золотом из граненой канители. Со стороны подбоя у эполет полужастиг и перемычка. Эполеты прикрепляются к мундиру при помощи золоченой пуговицы, шнурка и шлевки из золотого галуна, пришитой к мундиру»¹¹. В конце мая 1945 г., парадная форма маршалов и генералов Красной Армии получила некоторые изменения, однако, предпочтение все же было отдано погонам.

* * *

1 апреля 1946 г. были утверждены новые ТУ № 1457 «Пгоны Маршалов Советского Союза, Главных Маршалов, Маршалов родов войск и генералов Сухопутных войск и ВВС», подготовленные орденом отделом Технического комитета, а также соответствующие образцы погон¹².

Новый погон маршала Советского Союза по внешнему виду и размерам отдельных элементов соответствовал прежнему образцу. Расстояние от верхнего края погона до центра герба СССР для всех размеров колебалось в пределах 55-60 мм. Звезда располагалась от нижнего края погона на расстоянии 30, 35 или 40 мм в зависимости от длины погона. Характерным отличием нового образца была звезда улучшенной формы с рельефно возвышающимися к центру гранями. Вопреки очевидному, размер звезды в соответствующей таблице вновь был указан равным 45 мм вместо 50 мм.

Техническими условиями разрешалось заготавливать по особому заказу полужесткие погоны со скошенным верхним углом (только для пальто и шинели). Такой погон мог быть как съемным (с пуговицей), так и без пристежных приспособлений и отверстия для пуговицы. Скос верхнего угла составлял 1,65 см. Также по особому заказу ТУ позволяли в процессе пошивки клеивать внутрь жесткого погона две стальные пластинки.

26 июня 1946 г. Указом ПВС СССР для замены устаревшего герба СССР образца 1936 г. с 11 алыми лентами, обвивающими колосья¹³, был утвержден новый рисунок государственного герба, имеющий 16 лент по числу союзных республик¹⁴. Сразу следует отметить, что это нововведение весьма нескоро отразилось на погонах маршалов Советского Союза. На момент изменения герба обеспечение новыми погонами уже шло полным ходом и — как минимум на один год — до истечения срока их носки, требовалось однообразие. Для некоторой ясности в дальнейшем развитии вопроса показателен пример Министра Вооруженных Сил СССР маршала Советского Союза Н.А.Булганина. Впервые получив маршальские погоны в ноябре 1947 г., Булганин до ухода с поста главы военного ведомства в марте 1949 г. носил погоны с 11-ленточным гербом¹⁵.

В существовавших условиях для корректировки вышивки было возможно либо издание новых ТУ, либо внесение изменения в действующие. Однако ТУ № 1457 действовали до 1953 г, а единственной за весь срок поправкой было решение об устранении злополучной давней неточности в данных об измерениях звезды на погонах маршала Советского Союза. 26 июня 1950 г. размер звезды с угла на угол вместо 45 мм был зафиксирован равным 50 мм для погон всех размеров. Участникам заседания Технического комитета пришлось откровенно признать: «...указанное изменение вводится как исправление ошибки, допущенной при определении размера звезды»¹⁶.

* * *

8 итоге реорганизации, которую провел в 1950 г. Военный министр СССР маршал Советского Союза А.М.Василевский, научно-конструкторский аппарат вещевого службы получил некоторую самостоятельность. Переформированный Технический комитет теперь смог сосредоточить главные усилия на работе по стандартизации предметов вещевого снабжения, усовершенствованию действующих образцов и разработке новых. В результате был подготовлен и представлен на утверждение целый ряд нововведений, улучшающих обмундирование.

5 июня 1952 г. были приняты новые ТУ на металлические форменные пуговицы с изображением Государственного герба СССР образца 1946 г. Количество лент на гербе было увеличено до 16, изменилась конструкция поддона средней (18-мм) «погонной» пуговицы¹⁷.

9 февраля 1953 г. были утверждены временные ТУ № 2257 «Пгоны и петлицы личного состава Советской Армии», заменившие собой все ранее действующие ТУ на погоны и петлицы для всех групп военнот-

Погоны маршалов Советского Союза, 1950-е - 1960-е гг.

1. К парадному мундиру и летнему кителю (до 1954 г.), повседневному-полевому кителю, шинели и пальто, 1953-1956 гг. (К.К.Рокоссовский).
2. К пальто (до 1955 г.), парадно-выходному мундиру, повседневному кителю и летнему кителю, 1953-1956 гг. (К.К.Рокоссовский).
3. Полевой, 1953-1955 г.
4. К парадно-выходному мундиру, повседневному кителю и летнему кителю, 1956-1957 (герб - образца 1946 г.).

5. К повседневному-полевой шинели (до 1958 г.) и парадно-выходной шинели, 1957-1962 гг.
6. К повседневному (до 1958 г.) и парадно-выходному обмундированию, 1957-1962 гг.
7. К повседневной рубашке защитного цвета, 1957-1982 гг. (Г.К.Жуков).
8. К повседневной рубашке светло-серого цвета, 1957-1969 гг. (звезда - уменьшенная диаметром 35 мм).
9. К повседневному обмундированию, 1958-1962 гг.
10. К полевому обмундированию, 1958-1969 гг.

жащих. В соответствии с образцом новый погон маршала Советского Союза имел герб СССР образца 1946 г. и граненую звезду¹⁸. В связи с усложнением венка размер герба по вертикали увеличился до 46 мм.

Весьма вероятно, что новый вариант вышивки герба, проработанный в апреле—мае 1952 г. Центральным экспериментально-пошивочным комбинатом, применялся уже в 1952 г. при выполнении погонно-золотошвейным цехом текущих заказов.

В 1954 г. для маршалов и генералов были последовательно введены: открытый парадно-выходной мундир цвета морской волны и открытый повседневный китель защитного цвета¹⁹, а затем — открытые летние повседневные кителя светло-серого и белого цветов²⁰. К этим новым предметам полагались мягкие нашивные погоны со скошенным верхним углом.

30 июня 1955 г. приказом МО СССР № 105 были введены в действие Правила ношения военной формы одежды, в соответствии с которыми маршалы Советского Союза на закрытом кителе²¹, шинели, бекеше и летнем пальто носили жесткие пристежные погоны, а на мундире и открытых кителях — полужесткие нашивные. Расстояние от нижнего края погона до центра звезды было установлено 40 мм.

14 августа 1956 г. Указом ПВС СССР²² (объявлен приказом МО СССР от 22 сентября 1956 г. № 147) для маршалов Советского Союза были введены погоны нового образца. В описании говорилось: «*В верхней части погона вышит герб диаметром 47 мм, а ниже герба вышита золотом (канителью — Авт.) окантованная по краям красным шелком пятиконечная звезда диаметром 50 мм*». Следует отметить, что колося в гербе также стали золотыми, а звезда, кроме того, уменьшилась, так как ее прежний фактический диаметр превышал 50 мм.

Впервые был существенно пересмотрен подход к размещению элементов вышивки: независимо от длины погона расстояние от его нижнего края до центра звезды стало составлять 30 мм, а расстояние между звездой и гербом — 10 мм. Бесспорно, такой вариант был более приемлемым в условиях, когда большинство предметов обмундирования имело отложной воротник.

12 сентября 1956 г. Указом ПВС СССР Карело-Финская ССР была преобразована в автономную республику, в связи с чем изменялся рисунок герба: количество лент сократилось до 15²³.

26 апреля 1957 г. все произошедшие изменения были зафиксированы во вновь утвержденных ТУ № 2673 «*Погоны, погончики и петлицы*»²⁴.

С 1954 г. советским генералам и маршалам полагалась верхняя рубашка, не имевшая погон. Все существующие погоны были для этого слишком громоздкими и тяжелыми. 23 апреля 1957 г. приказом МО СССР № 72 были установлены погоны, предназначенные непосредственно для верхних повседневных рубашек защитного и светло-серого цветов. В описании говорилось: «*Мягкие съёмные погоны без цветных кантов, существующей формы, шириной 5,5 см, из той же ткани, что и рубашка. Поле погона имеет рисунок галуна, выполненный позолоченной мишурой. Шитье, знаки различия и эмблемы на погонах — по образцу, установленному для повседневных погон*».

Рисунок парадного погона маршала Советского Союза, утвержденный Г.К.Жуковым, и опытные образцы парадного и повседневного погон. Октябрь 1957 г.

маршалов... Пуговицы для крепления погон к рубашкам маршалов — позолоченные». Заметим, что малые форменные пуговицы диаметром 14 мм «погонное» применение получили впервые. Также ввиду малой ширины рубашечных погон были уменьшены размеры звезды и герба: их диаметры равнялись 40 мм, при этом звезда вышивалась не канителью, а золотой мишурой. Логично предположить, что вышивка мишурой применительно к мягким погонам была сочтена менее сминаемой и подверженной разрушению при изгибе. Спустя четыре года погоны к верхним рубашкам приобрели упругую прокладку из электротехнического картона толщиной 0,5 мм²⁵, однако, еще два десятка лет после этого маршальские звезды продолжали вышиваться мишурой.

23 сентября 1957 г. постановлением Совета Министров СССР № 1134 (объявлено приказом МО СССР от 28 сентября 1957 г. № 185) для военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота была введена новая форма одежды и установлены погоны необычной трапециевидной формы (см. «Цейхгауз», № 12). Эти относительно мягкие пришитые погоны имели малую форменную пуговицу в тупом верхнем углу, ширину сверху — 4 см, внизу — 5 см. Диаметр герба на погонах маршалов Советского Союза был 32 мм, звезды — 35 мм. На парадных и повседневных погонах звезда вышивалась золотой мишурой, на полевых — шелком защитного цвета. Соответственно, — золотой мишурой или защитным шелком — было зигзагообразно простроено поле повседневных и полевых погон²⁶.

Известно, что история трапециевидных погон прервалась вскоре после 27 октября 1957 г., когда инициатор нововведения маршал Советского Союза Г.К.Жуков был смещен с поста Министра обороны. В этот момент работа по внедрению формы и знаков различия нового образца находилась на стадии изготовления опытной партии для уточнения технологии и размеров лекал. Свообразным эхом этого не доведенного до завершения проекта можно считать случаи появления в дальнейшем на рубашечных погонах маршалов Советского Союза «уменьшенных» звезд диаметром 35 мм. Стоит добавить, что к октябрю 1957 г. уже начался выпуск пуговиц с гербом СССР образца 1956 г., но вышитые гербы на опытных образцах «жуковских» погон «по-старинке» имели по 16 лент.

* * *

Реформа обмундирования, проведенная новым Министром обороны маршалом Союза Советского Р.Я.Малиновским оказалась вполне консервативной по отношению к высшему командному составу. 26 марта 1958 г. Указом ПВС СССР²⁷ (объявлен приказом МО СССР от 29 марта 1958 г. № 70) для повседневного и полевого обмундирования генералов и маршалов были установлены погоны с полем из шелкового галуна защитного цвета с красными кантами. На погонах к повседневному обмундированию звезда вышивалась золотой канителью, а на погонах к полемому обмундированию (гимнастерке) — шелком защитного цвета. Звезда окантовывалась красным крученым шелком. Герб на полевых и повседневных погонах маршала Советского Союза был таким же, как на погонах к парадно-выходному обмундированию.

На шинелях разрешалось ношение как пришитых, так и съемных погон: с полем из золотого галуна — на парадно-выходных, и из шелкового галуна защитного цвета — на повседневно-полевых шинелях. При этом для съемных погон генералов и маршалов уже 12 июня того же года 18-мм «погонная» пуговица была окончательно заменена на малую, диаметром 14 мм²⁸.

В 1962 г. были установлены пришитые погоны с полем из шелкового галуна стального цвета для ношения на летнем пальто (приказ МО СССР от 21 февраля № 45) и парадно-выходных шинелях и летних кителях светло-серого цвета (приказ МО СССР от 12 мая № 127). Таким образом, ношение съемных погон с полем из золотого галуна прекратилось.

28 июня 1962 г. были утверждены ТУ № 3036 «*Погоны, погончики и петлицы*», в соответствии с которыми скос верхнего угла пришитых погон маршалов и генералов увеличился до 2,7 см²⁹.

26 июля 1969 г. приказом МО СССР № 190 повседневно-полевая шинель темно-серого цвета была заменена шинелью стального цвета, вместо полевой гимнастерки введен закрытый полевой китель, вместо пальто стального цвета — пальто защитного цвета, а ношение повседневного кителя светло-серого цвета и рубашки серого цвета отменялось. Таким образом, прекратилось ношение всех разновидностей съемных погон, а также погон с полем светло-серого цвета. Для полевой кителя были установлены нашивные погоны со скошенным верхним углом.

15 апреля 1981 г. Указом ПВС СССР № 4734-Х³⁰ (объявлен приказом МО СССР от 28 мая 1981 г. № 145) были введены погоны для но-

Погоны маршалов Советского Союза, 1960-е ~ 1990-е гг.

1. К парадно-выходному обмундированию, 1962-1994 гг.	5. К полевому кителю, 1969-1989 гг.
2. К пальто (до 1969 г.) и шинели стального цвета, 1962-1994 гг. (И.С.Конеv).	6. К парадно-выходной рубашке, 1981-1994 гг.
3. К повседневному обмундированию, 1962-1994 гг. (С.Ф.Ахромеев).	7. К повседневной рубашке, 1982-1994 гг. (Д.Ф.Устинов).
4. К летнему повседневному кителю, 1962-1969 гг.	8. К плащу, 1985-1994 гг.
	9. К полевой куртке, 1985-1994 гг.
	10. К куртке песочного цвета, 1988-1994 гг.

шения на парадно-выходной рубашке белого цвета. Несмотря на то, что диаметры звезды и герба были установлены прежние, размер звезд несколько увеличился, по всей видимости, из-за использования картрафаретов прежнего размера в основе более объемной вышивки канителью. С 1 июля 1982 г. вышивка звезд на всех разновидностях погон маршала Советского Союза (кроме полевых) производилась только канителью³¹.

27 декабря 1985 г. Указом ПВС СССР № 3890-ХІ³² (объявлен приказом МО СССР от 18 января 1986 г. № 10) введены погоны для новых предметов обмундирования: плаща и полевой куртки. Погоны — съемные, шестиугольной формы, шириной 6 см, из шелкового галуна защитного цвета без красных кантов. Звезды и гербы на погонах — такие же, как на соответствующих погонах к повседневному и полевому обмундированию. Погоны имели уширенные шлевки (муфты)

Погоны обр. 1994 г. (слева направо): к парадному кителю; к зимнему пальто, демисезонной куртке и повседневному кителю (С.Л.Соколов); к повседневной рубашке

¹ К истории введения погон. // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 113-116.
² Погоны и мундиры личного состава Красной Армии. Альбом рисунков. Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии. 1942. Подпись — автограф; Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924-1953 гг. // Исторический архив. 1999. № 3. С. 48-49.
³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 2.
⁴ Описание погон приведено в редакции приказа НКО СССР от 15 января 1943 г. № 25.
⁵ Временные технические условия ТК ГИУ КА № 733. Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии. 1943. С. 1-5; Инструкция И-№ 732. Правила подбора, закрепления на предметах обмундирования и ношения погон личным составом Красной Армии. Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии. 1943. С. 2-3.
⁶ Приказом НКО СССР от 14 февраля 1943 г. № 80 срок перехода на новые знаки различия был продлен до 15 марта 1943 г.
⁷ Хронология восстановлена авторами по источникам: Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. С. 52.; Сборный альбом рисунков по проектированию новых знаков различия — петлиц и погон для личного состава Красной Армии. Разные варианты 1942-43 гг. Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии. 1943. Л. 7-11. Автограф.
⁸ Там же. Л. 11. Автограф.
⁹ Пудник Ф.В. Изготовление погон личного состава Красной Армии. М., 1944. Цв. вкл. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-1975 гг. Т. 2. С. 372.
¹⁰ Проект формы одежды маршалов и генералов 1944-1945 гг. Альбом рисунков. Технический комитет Главного интендантского управления ВС СССР. Л. 33.
¹¹ Технические условия ТК ГИУ ВС № 1457. Технический комитет Главного интендантского управления Вооруженных Сил СССР. 1946.
¹² Согласно Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г., герб СССР имел 11 алых лент (по числу союзных республик), обвивающих колосья. В связи с вхождением в состав СССР новых республик состоялось решение Секретариата ПВС СССР от 3 сентября 1940 г., в котором говорилось: «в гербе... необходимо показать, что СССР состоит из 16-ти союзных республик». 3 марта 1941 г. ПВС СССР утвердил предварительный проект изображения государственного герба, но вопрос оказался отложенным до окончания войны.
¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. № 25.
¹⁴ Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М., 1951. Фотопортрет Н.А.Бугаганина.
¹⁵ Решение Технического комитета Главного интендантского управления Военного министерства СССР № 56-50 от 26 июня 1950 г.
¹⁶ То же. № 55-52 от 5 июня 1952 г.

для закрепления на хлястиках, вшитые в шов рукава. На погоны к плащу прикреплялась пуговица диаметром 14 мм золотистого цвета.

В августе 1988 г. маршал Советского Союза С.Ф.Ахромеев во главе делегации посетил США. Специально к этому визиту для него и других членов делегации была пошита облегченная форма одежды (фуражка с чехлом песочного цвета, куртка с короткими рукавами и брюки навыпуск из легкой ткани песочного цвета)³³. К куртке полагались погоны из этой же ткани, изготовленные по образцу рубашечных. С 1989 г. такую форму стали выдавать всем маршалам и генералам, отправляющимся с визитами в страны с жарким климатом³⁴.

23 января 1989 г. было принято решение выдавать маршалам и генералам только камуфлированное полевое обмундирование³⁵. В связи с этим ношение пришивных полевых погон постепенно прекратилось. Кроме того, для полевых погон нового образца была установлена единая длина — 14,5 см.

* * *

Воинское звание «Маршал Советского Союза» было упразднено в связи с принятием 11 февраля 1993 г. Закона Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе»³⁶. Однако оно сохранилось за теми лицами, кому было присвоено ранее.

23 мая 1994 г. был подписан Указ Президента РФ № 1010 «О военной форме одежды и знаках различия по воинским званиям»³⁷, в котором говорилось: «На погонах высших офицеров, которым присвоены ранее действовавшие воинские звания, размещаются элементы отличия, установленные на прежних погонах».

Имеются два вида погон российского образца: нашивные, шириной 55 мм, с кантами красного цвета — для ношения на парадных и повседневных кителях, зимних пальто и демисезонных куртках; и съемные, шириной 50 мм, без кантов — для ношения на плащах, шерстяных куртках и рубашках. Погоны для парадных кителей — с полем из галуна золотистого цвета, для остальных предметов обмундирования — с полем из шелкового галуна защитного цвета, а для рубашек — с полем из материала по вышивке (оливкового или белого цветов) и имитацией рисунка мишуры золотистого цвета. Вышивка звезды и герба СССР по внешнему виду и размерам соответствует образцу 1982 г. для рубашечных погон.

В 1995 г. российскую форму надели маршалы Советского Союза В.Г.Куликов, В.И.Петров и С.Л.Соколов. В 2002 г. к ним присоединился Д.Т.Язов, впервые появившийся в новой форме во время парада на Красной площади 9 мая. В настоящее время все четверо являются советниками Министра обороны Российской Федерации.

¹⁸ Временные технические условия ТК УВОС ГИУ ВМ № 2257. Технический комитет Главного интендантского управления Военного министерства СССР. 1953.
¹⁹ Открытый парадно-выходной мундир и открытый повседневный китель защитного цвета установлены постановлением Совета Министров СССР от 27 марта 1954 г. № 544 (объявлено приказом министра обороны СССР от 9 апреля 1954 г. № 45).
²⁰ Открытые летние повседневные кители светло-серого и белого цвета установлены приказом министра обороны СССР от 10 июня 1954 г. № 94. Китель белого цвета исключен из норм снабжения приказом МО СССР от 29 марта 1958 г. № 70, китель светло-серого цвета — приказом МО СССР от 29 июля 1969 г. № 190.
²¹ Ношение закрытого кителя при повседневной полевой форме одежды маршалов и генералов было отменено приказом МО СССР от 6 марта 1956 г. № 25.
²² Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 19. Ст. 408.
²³ Там же. № 18. Ст. 395.
²⁴ Технические условия ТК УВХС МО № 2673. Технический комитет Главного интендантского управления Военного министерства обороны СССР. 1957.
²⁵ Ведомость изменений № 1 (от 10 мая 1961 г.) к временным техническим условиям ТК УВХС МО СССР № 2679.
²⁶ Журнал Технического комитета Главного интендантского управления Военного министерства обороны СССР № 74-57 от 9 октября 1957.
²⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 8. Ст. 178.
²⁸ Решение Технического комитета Главного интендантского управления Военного министерства обороны СССР № 43-58 от 12 июня 1958 г.
²⁹ Временные технические условия ТК УВС МО № 3036. Технический комитет Главного интендантского управления Военного министерства обороны СССР. 1962.
³⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 16. Ст. 678.
³¹ Отраслевой стандарт «Изделия швейные ведомственного назначения. Погоны, погончики и петлицы. Технические условия» ОСТ № 17-869-81. Утвержден Министром легкой промышленности СССР и введен в действие с 1 июля 1982 г.
³² Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 1. Ст. 6.
³³ Облегченная форма одежды песочного цвета для офицеров — военных представителей МО СССР в странах с жарким климатом была установлена приказом МО СССР от 12 июля 1961 г. № 174.
³⁴ Приказ МО СССР от 19 октября 1988 г. № 350. Норма 37.
³⁵ Решение Научно-технического комитета Центрального вещевого управления МО СССР от 23 января 1989 г. № 1-89; Полевое обмундирование нового образца (так называемая «афганка») было установлено приказом МО СССР от 19 июля 1984 г. № 0145
³⁶ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 9. Ст. 325.
³⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 5. Ст. 400.

МАРШАЛЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА			
Фамилия, имя, отчество. Даты жизни	Должность на момент присвоения звания (Дата и номер документа о присвоении звания)	Примечания	
1. Ворошилов Клемент Ефремович (1881-1969)	Нарком обороны СССР (20.11.1935)	- Лишен в/звания 11.06.1937 Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. - Приговор отменен военной коллегией Верховного суда СССР 31.01.1957	
2. Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937)	Зам. Наркома обороны СССР (20.11.1935)		
3. Егоров Александр Ильич (1883-1939)	Нач. ГШ РККА (20.11.1935)	- Лишен в/звания 22.02.1939 Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР. — Приговор отменен военной коллегией Верховного суда СССР 14.03.1956	
4. Буденный Семен Михайлович (1883-1973)	Инспектор кавалерии РККА (20.11.1935)	Арестован 22.10.1938; умер в тюрьме 09.11.1938; в/звания лишен не был	
5. Блюхер Василий Константинович (1890-1938)	Ком. Отд. Краснознам. Дальневосточной армией (20.11.1935)		
6. Тимошенко Семен Константинович (1895-1870)	Нарком обороны СССР (07.05.1940)	- Лишен в/звания Указом ПВС СССР от 19.02.1942. - Присвоено в/звание «генерал-майор» постановлением СНК СССР от 17.03.1942 - Восстановлен в в/звании посмертно постановлением ПВС СССР от 28.09.1957	
7. Шапошников Борис Михайлович (1882-1945)	Нач. ГШ РККА (07.05.1940)		
8. Кулик Григорий Иванович (1890-1950)	Зам. НКО СССР - нач. Гл. артиллерийского управления (07.05.1940)		
9. Жуков Георгий Константинович (1896-1974)	1-й зам НКО СССР - зам. Верх. Главнокомандующего (18.01.1943)		
10. Василевский Александр Михайлович (1895-1977)	Нач. ГШ КА - зам НКО СССР (16.02.1943)		
11. Сталин Иосиф Виссарионович (1879-1953)	Нарком обороны СССР; Верховный Главкоман- дующий; Пред. Гос. комитета обороны (06.03.1943)		Присвоено в/звание «Генералиссимус Советского Союза» Указом ПВС СССР от 27.06.1945
12. Конев Иван Степанович (1897-1973)	Ком. войсками Степного фронта (21.02.1944)		
13. Говоров Леонид Александрович (1897-1955)	Ком. войсками Ленинградского фронта (18.06.1944)		
14. Рокоссовский Константин Константинович (1896-1968)	Ком. войсками 1-го Белорусского фронта (29.06.1944)		
15. Малиновский Родион Яковлевич (1898-1967)	Ком. войсками 2-го Украинского фронта (10.09.1944)		
16. Толбухин Федор Иванович (1894-1949)	Ком. войсками 3-го Украинского фронта (12.09.1944)		
17. Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897-1968)	Ком. войсками Карельского фронта (26.10.1944)		
18. Берия Лаврентий Павлович (1899-1953)	Нарком внутренних дел СССР; Зам. пред. Гос. комитета обороны (09.07.1945)	Лишен в/звания Указом ПВС СССР от 26.06.1953	
19. Соколовский Василий Данилович (1897-1968)	Главком Группы Сов. оккупационных войск в Германии (03.06.1946)	Снижен в в/звании до генерал- полковника Указом ПВС СССР от 26.11.1958	
20. Булганин Николай Александрович (1895-1975)	Министр Вооруженных Сил СССР (03.11.1947)		
21. Баграмян Иван Христофорович (1897-1982)	Главный инспектор МО СССР (11.03.1955)	Звания присваивались: в 1935 г. - постановлением ЦИК и СНК СССР; 1 с 1940 по 1983 гг. - указами Президиума Верх. Совета СССР; в 1990 г. - Указом Президента СССР	
22. Бирюзов Сергей Семенович (1904-1964)	1-й зам Главкома войсками ПВО страны (11.03.1955)		
23. Гречко Андрей Антонович (1903-1976)	Главком Группы Сов. войск в Германии (11.03.1955)		
24. Еременко Андрей Иванович (1892-1970)	Ком. войсками Северо-Кавказского ВО (11.03.1955)		
25. Москаленко Кирилл Семенович (1902-1985)	Ком. войсками Московского ВО (11.03.1955)		
26. Чуйков Василий Иванович (1900-1982)	Ком. войсками Киевского ВО (11.03.1955)		
27. Захаров Матвей Васильевич (1898-1972)	Главком Группы Сов. войск в Германии (08.05.1959)		
28. Голиков Филипп Иванович (1900-1980)	Нач. Главпура СА и ВМФ (06.05.1961)		
29. Крылов Николай Иванович (1903-1972)	Ком. войсками Московского ВО (28.04.1962 № 52-VI)		
30. Якубовский Иван Игнатьевич (1912-1976)	Ком. войсками Киевского ВО (12.04.1967 № 974-VII)		
31. Батицкий Павел Федорович (1910-1984)	Главком войсками ПВО страны - зам. МО СССР (15.04.1968 № 2584-VII)		
32. Кошевой Петр Кириллович (1904-1976)	Главком Группы Сов. войск в Германии (15.04.1968 № 2584-VII)		
33. Брежнев Леонид Ильич (1906-1982)	Пред. Совета обороны СССР (07.05.1976 № 3966-IX)		
34. Устинов Дмитрий Федорович (1908-1984)	Министр обороны СССР (30.07.1976 № 4297-IX)		
35. Куликов Виктор Григорьевич (род. в 1921)	1-й зам. МО СССР - Главком ОВС Варшавского Договора (14.01.1977 № 5067-IX)		
36. Огарков Николай Васильевич (1917-1994)	Нач. ГШ ВС СССР - 1-й зам. МО СССР (14.01.1977 № 5067-IX)		
37. Соколов Сергей Леонидович (род. в 1911)	1-й зам. МО СССР (17.02.1978 № 7002-IX)		
38. Ахромеев Сергей Федорович (1923-1991)	1-й зам. нач. ГШ ВС СССР (25.03.1983 № 9016-X)		
39. Куркоткин Семен Константинович (1917-1990)	Зам. МО СССР - нач. Тыла ВС СССР (25.03.1983 № 9017-X)		
40. Петров Василий Иванович (род. в 1917)	Главком СВ - зам. МО СССР (25.03.1983 N2 9018-X)		
41. Язов Дмитрий Тимофеевич (род. в 1923)	Министр обороны СССР (28.04.1990 № 93)		

НОВЫЕ ВЕДОМСТВЕННЫЕ НАГРАДЫ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РФ

Олег КУЗНЕЦОВ

Медали: «За разминирование»
и «200 лет Министерству обороны»

Юбилейный нагрудный знак в память 100-летия Военного министерства. 1910 г. (Из коллекции М.Селиванова); современный памятный знак «200 лет Министерству обороны». 2002 г.

В 2002 г. система ведомственных наград МО РФ (см. «Цейхгауз», № 12) пополнилась двумя новыми медалями. В начале года начальник инженерных войск генерал-полковник Н.И.Сердцев выступил с инициативой повышения статуса знака отличия «За разминирование», введенного приказом МО СССР от 31 декабря 1974 г № 307. В связи с этим 26 февраля приказом МО РФ № 90 была учреждена медаль «За разминирование».

В соответствии с Положением о медали ей награждаются «военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации за проявленные самоотверженность, мужество и отвагу, высокий профессионализм: при выполнении задач по обнаружению и обезвреживанию (уничтожению) взрывоопасных предметов на местности (объектах); при участии в международных программах, проектах и операциях по гуманитарному разминированию; при организации и руководстве разминированием».

Медаль изготавливается из металла золотистого цвета и имеет на лицевой стороне изображение военнослужащего в защитном снаряжении с миноискателем и бронированной машины разминирования на фоне местности, внизу слева изображена лавровая ветвь. Лента медали оранжево-зеленого цвета шириной 24 мм. С правого края оранжевая полоса окаймлена черной полосой шириной 2 мм. По середине зеленой полосы - красная полоса шириной 2 мм. Повторное награждение медалью не производится.

21 сентября Министерство обороны России отметило свое 200-летие. В честь этого события 30 августа приказом МО РФ № 300 были учреждены медаль и памятный знак.

В соответствии с Положением о медали «200 лет Министерству обороны» ей награждаются: «личный состав Вооруженных Сил Российской Федерации, добросовестно исполняющий служебные обязанности и имеющий выслугу 25 лет и более в календарном исчислении; военнослужащие других войск, воинских формирований и органов, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, — по решению Министра обороны».

Медаль изготавливается из металла серебристого цвета и имеет форму крута диаметром 32 мм с выпуклым бортиком с обеих сторон. На лицевой стороне: в центре - рельефное изображение эмблемы Вооруженных Сил Российской Федерации; под ней — обрамленный снизу лавровой ветвью картушный щит с надписью в две строки «200 лет»; внизу по кругу надпись «Министерство обороны». Медаль носится на пятиугольной колодке, обтянутой оранжево-серебристой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. С правого края оранжевая полоса окаймлена черной полосой шириной 2 мм. По середине серебристой полосы - красная шириной 2 мм.

При вручении медалей выдается удостоверение установленного образца. Медали (ленты медалей) носятся на левой стороне груди и располагаются после медали (ленты медалей) МО РФ «За воинскую доблесть».

В настоящее время обе медали изготавливаются на заводе «Мосштамп»: «За разминирование» - тиражом 10 000 шт., «200 лет Министерству обороны» - тиражом 50 000 шт. Однако в связи с тем, что потребности Министерства обороны в последней медали значительно больше заказанного тиража, предполагается ее дополнительное изготовление. Награждение обеими медалью пока не производилось.

В основу памятного знака «200 лет Министерству обороны» положен нагрудный знак, учрежденный в честь 100-летия Военного министерства России. Высота знака - 45 мм, ширина - 40 мм. При вручении знака выдается удостоверение установленного образца. Знак носится на правой стороне груди.

В настоящее время знаки изготовлены в серебре в количестве 500 шт. ООО «СВАРД-М» и заказаны из недрагоценного металла в количестве 4500 шт. на заводе «Победа».

Первое вручение знака состоялось 4 октября 2002 г. От имени Министра обороны России знак был вручен президенту Общероссийского национального военного фонда генерал-полковнику А.А.Молякову начальником Главного управления воспитательной работы генерал-лейтенантом Н.И.Резником.